

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

WID-LC

PG

3948

.K856

M5

X

1943

HARVARD COLLEGE LIBRARY

From the
WASYL KYJ FAMILY UKRAINICA BOOK FUND
established in 1978

Продается въ Киевѣ, въ книжничьихъ магазинахъ *Литова* и *Глюксберга*.

Цена за три части четыре рубля серебромъ.

Гг. Изгородные могутъ адресоваться на имя самаго издателя, по слѣдующему адресу:
Его Благородію Пантелеймону Александровичу Кульшу, въ Киевѣ.

За пересылку предлагается одинъ рубль ассигн.

НИХАЙЛО ЧАРНЫШЕНКО

ИЛИ

МАЛОРОССІЯ

ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ЛѢТЪ НАЗАДЪ.

Сочиненіе П. Кульша.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

КИЕВЪ.

1843.

3745 104

МИХАЙЛО
ЧАРНЫШЕНКО.

II.

WID-LC

PG

3948

.K856

M5

x

1843

[ch. 2]

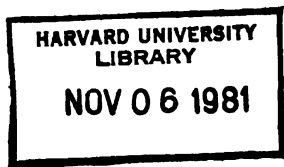
✓

KULISH

=

M. CHARNYSHENKO

211

KYJ FAMILY BK. FD.

МИХАЙЛО ЧАРНЫШЕНКО

ИЛИ

НА ЛОРОССІЯ

ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ЛѢТЪ НАЗАДЪ.

СОЧИНЕНІЕ

П. КУЛЪША.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

КИЕВЪ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1843.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Иллюстраційный Комитетъ указанное число экземпляровъ. Кіевъ 1848 года, Сентября 21 дня.

Цензоръ, А. Федотовъ-Челявскій

И есть се, навѣс, по Чорному морю ошля встаніе,
А есть се—моя отцѣська ѿ матерѣська молитва каре!

.....
Отынь бы то, панове, трѣба людей полагати,
Панотці ѿ паніймѣтку добре шанувати;
Во который чолостыть тѣи уробѣи,
По вѣтъ той счастья собѣ насъ,
Смертєльный мочъ того нѣише!

Отца ѿ нѣтченя молитва оѣ для моря выдѣише,
Одѣ грядѣтъ смертєльнѣкъ душу окупѣише,
На мѣль ѿ на морѣ на нѣмѣчѣ помагае!

Изъ старинной народной думы.

МИХАЙЛО ЧАРНЫШЕНКО

И Л И

МАЛОРОССІЯ

ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ЛѢТЪ НАЗАДЪ.

ГЛАВА XII.

Въ тѣ времена, въ Малороссіи, сообще-
ніе между городами не было еще опредѣ-
лено съ такою точностью, какъ нынѣ⁶⁴; вслѣд-
ствіе пути, какіе считагь ближайши-
ми. При всемъ томъ однакожъ, извѣстнѣй-
шая и болѣе другихъ пробитая дорога отъ

1

11
G
74
'
5

81
7

Воронѣжа до Гадяча лежала чрезъ Ярославецъ, Мутинь, Ковотопъ, Стародубовку, Хмелевъ, Ромень и Липовую Долину, на пространства ста-восьмидесяти-семи верстъ.

Полковой судья рѣшился ѣхать этимъ путемъ, въ твердой увѣренности, что Михайло не могъ выбрать другой дороги. Одно только заставило его пробить нѣсколько минутъ въ нерѣшимости. Онъ вспомнилъ слова Потана Карнаухова, который говорилъ, что горожане видѣли Михайла на *путильскомъ* шляху. Но какъ онъ увѣренъ былъ несомнѣнно въ цѣли Михайловой дороги, которая, по всѣмъ его соображеніямъ, не могла лежать черезъ Путиль, то легко убѣдилъ себя, что Потанъ Карнаухій могъ ошибиться въ словѣ, будучи слишкомъ занятъ этимъ неожиданнымъ событіемъ.

Не смотря однакожь на свою увѣренность, онъ сильно беспокоился и терзаясь въ недоумѣніяхъ, распрашивая про Михайла во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ только можно

было предполагать его станціи, и не открывая ни малѣйшаго по нему слѣда.

Правда, и трудно было бѣ какому-нибудь придорожному шинкарю или содержанию заѣзжаго двора помнить наружность молодого человѣка, тогда какъ всѣ большія дороги въ Малороссіи покрыты были молодыми авантюристами, которые шли и ѣхали въ Гадячъ и въ Петербургъ всѣми возможными способами, въ костюмахъ самой разнообразной формы, прочности и цѣнности, смотря по роду жизни, произхожденію и богатству каждаго.

«Всѣ дороги къ Петербургу наполнены «были сими *голитинцами*», говорить въ своей лѣтописи архіепископъ Конискій. «Одѣтые изъ нихъ въ тонкое и шолоковое платье, то есть панчи, теки вмѣстѣ съ ободравными и полунагими молодцами «и равнялись съ ними красными гарусными «галстуками, надѣтыми наподобіе обрончскою на ихъ шею. Студенты и ученики «кіевскихъ, черниговскихъ и переяславскихъ «училищъ, канцеляристы и аускультанты

10

«глуховскихъ департаментовъ и всѣхъ полковъ и сотенныхъ канцелярій, а равно «судовые и магистратскіе приказные слушатели, оставивши бумагу свои и перья, «приняли на себя военные обрончки и «стянулись вслѣдъ за первыми вербаками. «Вербуки сіи хотя въ Малороссіи были «обыкновенными и ими всегда комплектовано здѣсь четыре полка гусарскіе и столько же компанейскихъ, но нынѣшній вербунокъ ни чему тому не уподоблялся, а «похожъ былъ нѣкоторымъ образомъ на «посполитое рушению, ибо всѣ почти молодые люди, оставивши дѣла свои и науки, «поднялись и, столпившись великими партиями, потянулись къ столицѣ, какъ бы «она войною и облежаніемъ угрожаема была».

Отличительною чертою этихъ партій была беззаботная веселость, которая такъ симпатизируетъ молодымъ людямъ, когда они почувствуютъ себя на волѣ и когда ни одна сѣдая бровь не отравляетъ круговой чаше ихъ удовольствія.

Проставши, каждый по своему вкусу и

11

состоянію, къ любой группѣ, они совершали свой дальній путь припѣвая, что въ ихъ положеніи было очень естественно, ибо каждый изъ нихъ шелъ подъ вліяніемъ надежды, которыя для юношескаго воображенія не имѣютъ предѣловъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что межъ ними было много подобныхъ нашему Михайлу, оставившихъ дома одинокихъ родителей въ тоскѣ и огорченіи. И какъ ни безчестенъ и неблагодаренъ подобный поступокъ, но если положить на вѣсы: что съ самыхъ древнихъ временъ козачества воинное прищипье, въ Малороссіи, было единственнымъ, на которомъ мужчина являлся въ полномъ блескѣ своихъ достоинствъ; что еще въ люльки онъ слышалъ пѣсни о набѣгахъ Орды, о битвахъ съ Ляхами, о смерти и славѣ; что, забавляя расплавленное дитя, чаровали его воображеніе разсказами о томъ, какъ онъ будетъ козакать, какой у него будетъ конь, какая у него будетъ сабля, какъ славно будетъ онъ бить непріятелей; что лучшая участь, какую только могъ представить идеально

юноша-Малороссіянинъ, была—сдѣлаться рыцаремъ, подобнымъ Морозенку, Золотаренку, Сѣрку, Палѣю; если сообразить, что все это составляло, такъ сказать, стихію, которою жила и дышала Малороссіяне въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ, и положить на вѣсы съ дерзкимъ поступкомъ Михайла и ему подобныхъ, то показалась бы даже неестественною въ горячемъ юношѣ сила разсудка, которая могла бъ преодолѣть столь сильныя наслѣдственныя понятія о назначеніи мужчины. Прибавьте еще, что Михайло, какъ юноша, натурально испытывалъ то стремленіе облетать невѣдомый ему широкій міръ, которое съ такимъ томленіемъ обнаруживается у каждаго изъ насъ въ первые годы нашей молодости; замѣйте, что онъ получилъ воспитаніе самое неправильное, воспитаніе, которое, невѣдомо ни для него, ни для отца, приготовило его именно къ такому поведенію; что вмѣстѣ съ безпокойнымъ характеромъ онъ получилъ въ наслѣдство отъ отца и его духъ, романтическій и мечтательный, ибо сотникъ Чарнышъ самъ поступилъ бы не иначе, будучи на мѣстѣ Михайла; подумайте, могъ

ли Михайло, разъ ощутивши свою неволю и залетѣвши воображеніемъ въ очаровательную сферу надеждъ, могъ ли онъ, безъ помощи вещественныхъ преградъ, спокойно возвратиться въ смиренную юдоль домашней жизни и идти, какъ волъ въ ярмѣ? Примите во вниманіе все сказанное мною, и вы будете къ нему менѣе строги. Не вините въ неблагодарности ручнаго орленка, который, почуввъ силу своихъ крыльевъ и дохнувъ вышнимъ воздухомъ, вдругъ оставляетъ неизменное свое жилище, оставляетъ своего воспитателя и спѣшитъ присоединиться къ стаѣ своихъ братьевъ. Не вините и Михайла за его опрометчивый и неблагодарный поступокъ: онъ, не получивъ прочныхъ моральныхъ правилъ, которыя бъ его образумили, повиновался влеченію природы и достоинъ больше жалости, чѣмъ оужденія.

Итакъ молодые люди, не смотря, можетъ-быть, на тайную тоску, сомнѣніе въ будущности и угрызеніе совѣсти, заглушали свои горести общею веселостію и совершали путь свой припѣвая. Во многихъ

кружкѣхъ звучала часто и бандура или другой музыкальный инструментъ, и еслибъ судья не имѣлъ въ головѣ серьезнаго предпріятія, а въ сердцѣ тяжелой грусти, онъ могъ бы увидѣть и услышать на пути своемъ множество самыхъ забавныхъ вещей. Но какъ его воображенію постоянно представлялся образъ Михайла, то онъ смотрѣлъ на веселія лица путешественниковъ съ одностороннимъ только намѣреніемъ узнать знакомую и милую ему фзіономію.

Иногда даже онъ вмѣшивался въ ихъ кружки и, выбравши, кто казался ему солиднѣе прочихъ, принимался спрашивать его о своемъ бѣглецѣ, описывая примѣты Михайла со всею точностью юриста. Но къ великой его досадѣ и тоскѣ, вмѣсто утѣшительнаго отвѣта, онъ часто слышалъ отъ разгульныхъ школьниковъ обидные сарказмы, ибо эти вѣтренныя головы, вышедши разъ изъ послушанія своимъ *калѣначамъ*, какъ называли они своихъ учителей и начальниковъ, и вида себя посреди множества подобныхъ сумасбродовъ, приобрѣли вдругъ какое-то буй-

ство, характеризовавшее всегда малороссійскихъ козаковъ, и особенно Запорожцевъ, сходившихся на Сѣчь, болышею частію разорвавъ какія-нибудь связи съ обществомъ.

Хотя эти «вербаки» и видѣли по осанкѣ и костюму полковаго судьи, что онъ принадлежитъ къ намъ высшаго разряда, однакожъ это не уменьшало ихъ дерзости, тѣмъ болѣе, что многіе изъ нихъ, въ продолженіе дальней дороги, нуждаясь иногда въ пропитаніи и не имѣя денегъ, привыкли дѣлать наглости мѣрнымъ обитателямъ, встрѣчавшимся имъ на пути, и забирать съѣстные припасы въ ихъ домахъ, какъ въ своихъ собственныхъ, за что, по словамъ архіепископа Конисскаго, «прозраемы были отъ жителей до омерзѣнія».

—Ты, Шпакъ, что-то часто общишься съ этими бурлаками, говорилъ своему спутнику судья, съ досады на неудачные свои поиски:—Чего добраго! не думаешь ли и ты надѣть красный обрончикъ?

На эти подозрѣнія Шпакъ покачалъ го-

ловую, помолчалъ немного и сказалъ:

— Колибъ я, пане, не носилъ за спиною пяти десятковъ годовъ, да еще когда бъ въ запычку не пщало у меня съ полдюжины дѣтей, а подъ бокомъ не было моей Параски, то можетъ-быть ты и не покривилъ бы душою, считаючи меня такимъ гайдамакою.

— А мой Федотъ Побегайло развѣ не имѣлъ пары дѣтей, когда бросилъ мой домъ и бѣжалъ незнавъ-куда, позычивши у меня шкатулку съ деньгами?

— Такъ того жъ океаннаго, пане, лукавый грошима искусишь.

— А тебѣ чѣмъ мѣшаетъ вѣтрусить дочиста мои карманы гдѣ-нибудь на ночлегѣ и исчезнуть самому, какъ жард?

— Эхъ, пане-пане! сказалъ Шпакъ, покачивая снова головою:— Охота жъ тебѣ изводить на меня такія небылицы! Уже коли бъ хотѣлъ я твоихъ грѣшей, то чи не

лучше жъ бы мнѣ было, лѣтъ тридцать назадъ, зайти на Сѣчь, когда ты, бывало, посылаешъ меня съ полнымъ гаманомъ червонцевъ въ Миргородъ до гетмана Апостола блаженной памяти? Тогда у меня не было ни жинки, ни дѣтей. А теперь бы то уже печистый понесъ меня слонаться по чужбинѣ, покпнувши дома теплую пѣчь, добрую чарку горѣлки отъ твоей милости або изъ былыхъ рукъ твоей панночки, и макітру варениковъ каждый день на свиданье отъ моей Параски?

Полковаго судью упрекнула совѣсть за его неоснованныя ни на чемъ подозрѣнія, хотя онъ выразилъ ихъ вовсе не по внутреннему сознанию.

Другіе разговоры судья съ вѣрнымъ его служителемъ не могутъ занимать вниманія читателей, и потому мы ихъ пропустимъ, равно какъ и множество небольшихъ приключеній, неходящихъ въ наше сказаніе.

Полковой судья имѣлъ много знакомыхъ пановъ по своему пути, но онъ старался

миновать всѣхъ ихъ какъ можно скрытнѣе, дорожа временемъ и спѣша скорѣе достигнуть Гадяча, гдѣ надѣялся непременно найти Михайла.

На третій день своего пути онъ увидѣлъ укрѣпленія этого города, который былъ когда-то резиденціею гетмана Бруховецкаго, варвара, родившагося подъ кровавою звѣздою для терзанія своей родины, а теперь (1762) состоялъ подъ начальствомъ Крыжановскаго, неуступавшаго ему въ жестости души и коварствѣ.

Но едва онъ вѣхалъ со своимъ слугою въ городъ и началъ обдумывать, съ какого конца начать свои поиски, какъ увидѣлъ, что къ нему приближается человекъ пять вооруженныхъ козаковъ, на челѣ которыхъ шелъ тощій старичокъ, очень примѣчательный по своей уродливой наружности.

Верхняя половина невзрачной его особы, начиная отъ пояса, скривлена была на лѣвую сторону; и какъ онъ ни старался воспользоваться гибкостью своей шеи, чтобъ,

наклоня голову направо, скрыть свою уродливость, но этимъ бесполезнымъ ухищреніемъ только дѣлалъ новый зигзакъ изъ своей сухопарой фигуры и увеличивалъ ее безобразіе, котораго не уменьшало также и то, что носки сапоговъ его какъ будто сдружились и готовы были поцѣловаться, а каблукъ поссорились и разошлись врозь.

Хотя онъ, повидимому, былъ въ этой группѣ начальникомъ, однако не имѣлъ при себѣ ни сабли, ни другаго оружія, какъ-будто чувствовалъ, что всякое военное оружіе было бы слишкомъ благородно для его сухихъ дрожащихъ рукъ, способныхъ поражать противниковъ скорѣе тайнымъ ядомъ и чернильной ябедой, чѣмъ открытою силою. Все его вооруженіе состояло изъ черной палочки, которую онъ держалъ подъ локтемъ и на которой, вмѣсто набалдашника, изъ того же самаго дерева вырѣзана была какая-то головка съ рѣжками.

—Что вамъ надобно отъ меня, добрые

люди? спросил полковой судья, когда они подошли къ нему ближе.

—Прошу васъ слѣдовать за мною, отъѣчалъ кривобокій старичокъ дребезжащимъ непріятно голосомъ, въ которомъ слышалось что-то болѣе козачье, чѣмъ человѣческое.

—А почему именно я долженъ за васъ слѣдовать? хотѣлъ бы я знать.

—Собственныя ваши выгоды этого требуютъ, тихо сказалъ кривобокій, подойдя къ самому сѣдлу его:—Слѣзьте скорѣй съ коня и пойдѣте вмѣстѣ со мною.

Полковой судья, по добродушію своему, не подозрѣвалъ, чтобъ тутъ могли крыться какіе-нибудь злые противъ него замыслы; притомъ же этотъ незнакомецъ, какъ ни отвратительна была его наружность, говорилъ такимъ таинственнымъ и вкрадывымъ голосомъ, что судья, невыпуская изъ головы ни на минуту думы о Михайлѣ, растолковалъ это себѣ въ хорошую сто-

рону, слѣзъ съ коня и пошелъ по слѣдамъ этого страшнаго существа, съ нетерпѣніемъ ожидая развязки непостижимой для него тайны.

Возница Шпакъ слѣдовалъ за своимъ паномъ, ведя въ поводу лошадей и разсуждая самъ съ собою въ полголоса.

—Какая встрѣча!... геть!... На что жъ эти козаки? Можно судить, что вышло бы, еслибы панъ судья заупрямился. Да и отъ этой кривой щепки съ кошачьими глазами можно ждать столько жъ добра, сколько отъ болотнаго дѣдка. Ну, ничего. Посмотримъ, что изъ этого солову за пиво будетъ. Говорила моя Параска, чтобъ я не засматривался слишкомъ на гамагѣевскихъ послушницъ; а вотъ тутъ, какъ видно, побираемъ мы не въ такомъ монастырѣ!

Между-тѣмъ они проходили улицу за улицей и наконецъ вступили въ старинный садъ, въ которомъ все пахло пустынею и отсутствіемъ трудолюбивыхъ рукъ. Вороны каркали уныло у нихъ надъ головою, до-

рожки заросли крапивою, деревья, срубленные топоромъ и сложенные бурею, валялись тамъ и сямъ въ безпорядкѣ.

Остановившись у большаго каменнаго зданія съ маленькими окнами, изрѣдка разбросанными безъ симметріи по стѣнѣ. На троекратный стукъ толстая старуха съ широкимъ ртомъ, въ обрюзглomъ и нависломъ на глаза чепцѣ неопредѣленной формы, показала въ окнѣ, и черезъ минуту занавѣсы визгнули и дверь скрипя отворилась.

— Запереть покрѣпче задвижки! поставить сторожу! закричалъ кривобокій, когда они вошли въ небольшую комнату со сводами.

Судья и его возница Шпакъ вздрогнули, ибо кромѣ этого непредвѣщающаго ничего добраго приказанія, въ самомъ голосѣ отвратительнаго старичка было что-то мертвящее душу.

Теперь только они увидѣли все безобразіе своего хозяина, или лучше сказать сво-

его тюремщика, ибо для нихъ уже стало ясно, что они попались подъ арестъ. Его глаза были совершенно стеклянные, но въ нихъ выражалось столько безстыдства, наглости и низости души, что никакой человекъ, съ чистымъ еще сердцемъ, не могъ бы долго сносить его взора и съ непреодолимымъ отвращеніемъ спѣшилъ бы отъ него удалиться. Этимъ гадкимъ глазамъ придавали еще больше злости сѣдые жидкія брови, которыхъ длинныя волоски были завиты какъ-то странно вверхъ. Прибавьте къ этому еще покрывтую какими-то ненатуральными возвышенностями и впадинами лысину, прибавьте глубокой слѣдъ раны на лбу (повидному, произшедшей отъ шипа конской подковы), — неприятное выраженіе спящихъ губъ, изъ-за которыхъ, когда онъ открывалъ ротъ, выказывались гнилые пни зубовъ, покрытые вонючей желтизною, и пару ушей, изъ которыхъ одно, по какому-то чуду природы, было слишкомъ близко къ глазу, а другое удавалось къ затылку, — и вы будете имѣть понятіе объ этомъ

истинно примѣчательномъ, по своему безобразію, произведеніи природы.

У добраго человѣка, при встрѣчѣ съ злымъ, происходятъ совершенно тѣже самія внутреннія движенія, какія чувствуетъ собака при встрѣчѣ съ кошкою. Въ наше время частыя соотношенія людей между собою въ обществѣ и машиннальное воспитаніе дѣтей не по чувствамъ сердца, а по долгу приличій, приучилъ насъ скрывать подъ лавомъ свѣтской вѣжливости то негодованіе, которымъ у свѣжаго еще человѣка закипаетъ сердце, какъ только оно почуветъ подлѣ себя протвную его природѣ душу. Но встарину, когда патріархальный образъ жизни способствовалъ къ натуральному развитію души и образованію самобытныхъ характеровъ, чувство антипатіи обнаруживалось гораздо чаще. Дошли до насъ преданія, что бывали случаи, когда храбрый и прямодушный козакъ, сошедшій гдѣ-нибудь случайно съ незвѣстнымъ ему человѣкомъ, говорилъ ему прямо:—Я не люблю тебя: изъ твоихъ глазъ выглядываетъ чортъ. Удались отсюда, или мы

сдѣлаемъ смертельными врагами!

Такъ точно, можетъ-быть, сказали бы въ другомъ мѣстѣ, но не здѣсь, и полковой судья этому мерзкому творенію, которое, къ крайнему моему неудовольствію, носило отчасти мое имя. Я такъ вѣренъ исторической точности, что не хочу и этого скрыть отъ чпателей. Оно называлось *Иваномъ Пантелеймоновичемъ Г..овскимъ*.

Полковой судья, какъ человѣкъ канцелярскій, тотчасъ замѣтилъ, по нѣкоторымъ вещамъ и бумагамъ, разложеннымъ на столахъ, что этотъ отвратительный Г..овскій долженъ быть полковой писарь или что-нибудь подобное; и хотя онъ видѣлъ себя въ полной его власти, однакожъ видѣ этого человѣка внушалъ ему такое негодованіе и презрѣніе, что онъ, не смотря на природную незаносчивость своего характера, не могъ принудить себя говорить съ нимъ тономъ учтивымъ, котораго основаніе было ~~въ~~ и который тогда недавно еще вошелъ въ моду у пановъ Малороссійскихъ. Онъ, противъ своего обыкновен-

2.

нія, адресовался къ нему такимъ грубымъ и презрительнымъ тономъ, какой онъ позволялъ себѣ только, когда судилъ какого-нибудь вора или разбойника.

— Скажи ты мнѣ, говорилъ онъ:— кто бы ты ни былъ, человекъ или дьяволъ, хотя, правду сказать, и дьяволъ не промѣнялъ бы своей морды на твою гадкую харю: кто далъ тебѣ право заперать меня подъ стражею въ эту тюрьму, которая одному только такому мерзкому творенію, какъ ты, можетъ быть прилична?

— Государь мой! отвѣчалъ Г..бовскій, нимаю не обидясь его бранью, ибо низкія души тогда только обижаются, когда впадаютъ въ томъ надобность:— Государь мой, вы мнѣ кажетесь человекомъ подозрительнымъ.

— Въ чемъ же я кажусь тебѣ подозрительнымъ?

— Въ убійствѣ одного изъ старшинъ новаго нашего полка, Михайла Чарнышенка.

У полковаго судьи отъ этого извѣстія замерло сердце, однакожъ чувство досады такъ было въ немъ сильно, что онъ тотчасъ перемогъ себя и отвѣчалъ:

— Сумасшедшая голова! Я столько жъ имѣю причинъ казаться тебѣ подозрительнымъ, сколько и ты мнѣ; но только я подозреваю тебя совѣмъ въ другомъ.

— А въ чемъ же именно?

— Просто въ глупости и помѣшательствѣ лысой твоей башки. Какъ же я могъ бы убить Михайла Чарнышенка, когда я нарочно пріѣхалъ сюда за тѣмъ, чтобъ спасти его отъ вашихъ сѣтей?

— Я этого не знаю, сказалъ Г..бовскій:— Мнѣ донесли, что тѣло его найдено мертвое подъ самымъ городомъ и что видѣли двухъ человекъ, скрывшихся на коняхъ въ лѣсу, какъ только показались люди. По описанію коней, платья и наружности, это должны быть вы. Я долженъ арестовать

вась до прїѣзду вельможнаго бригадира пана Крыжановскаго.

Полковой судья хотѣлъ было возражать, но въ эту минуту изъ другой комнаты выбѣжала та самая старуха, которая отперла имъ двери, и, открывши страшный свой ротъ, закричала, какъ изъ бочки:

— Ахъ, ты осѣлъ-осѣлъ, Иване! Онъ тебя бранить, какъ собаку, а ты разговоришься съ нимъ, какъ съ добрымъ. Въ тюрьму его вражьяго сына! пусть тамъ бранится, сколько хочетъ.

— Я не осѣлъ, матушка, возразилъ Г.. бовскій:— я полковой писарь; я служу Богу и Государю двадцать-пять лѣтъ.

Не смотря однакожь на это возраженіе, онъ такъ привыкъ слушаться своей матери, что тотъ же часъ, безъ дальнихъ расправъ, велѣлъ отвезти полковаго судью и его слугу въ особыя темницы, которыя были устроены тутъ же, въ подвалѣ, подъ крыльцомъ Г.. бовскаго и его достойной матушки.

Теперь прошу читателей представить себѣ положеніе несчастнаго судьи, убѣжденнаго въ погибели Михайла, оставившаго дома дочь въ неизвѣстности о его участи и попавшаго въ руки тайнаго злодѣя, для котораго и законы какъ-будто не существуютъ, который, не страшась наказанія, можетъ сдѣлать изъ него все, что захочетъ!

А какъ мы имѣемъ самое неточное извѣстіе о смерти нашего героя, то оставимъ на время печальнаго судью, разлученнаго даже съ своимъ возницею, и посмотримъ, въ самомъ ли дѣлѣ Михайло нашъ погибъ; и если погибъ, то отъ кого и по какимъ причинамъ.

Напомню вамъ, что мы оставили его въ ту минуту, когда, пораженный страхомъ отцовскаго проклятiя, онъ свалился съ коня на землю.

нѣтъ два стиха изъ малороссійской баллады.

Вставай, козакъ, гдѣ тебѣ спати,
Во вѣн твою коня давно поидати. . . .

ГЛАВА XIII.

Долго лежалъ Михайло нѣтъ и неподвиженъ, въ какомъ-то полуживомъ состоянiи. Ему казалось, что земля отдѣлилась отъ него и онъ остался въ пустомъ, темномъ, безграничномъ пространствѣ. Тяжелая, глубокая тоска томилъ его душу.

Вдругъ слышитъ онъ надъ собой, какъ бы сквозь сонъ, веселый говоръ, и въ слѣдъ за тѣмъ чей-то мужественный голосъ про-

Михайло приподнялся и видитъ двухъ всадниковъ, изъ которыхъ одинъ одѣтъ былъ въ обыкновенное платье готманскихъ козаконъ, съ саблею при боку, съ длиннымъ ружьемъ за спиною, въ высокой овчинной съ краснымъ верхомъ шапкѣ; а другой смотрѣлъ прямымъ Запорожцемъ.

На немъ была свѣтлосиняя черкеска съ выѣтами, то есть съ откидными рукавами, изъ-подъ которой виднѣлась *аксамитная* * вишневаго цвѣту куртка,—красные *саебены* ** шаровары, *сальницъ-чоботы* *** и обложенная накрестъ позументомъ четырехсторонняя шапка—*кабардинка*, сшитая изъ мѣха выдры, которую Ногайскіе Татары называли кабардою. Впрочемъ, кабардинка такъ вошла въ моду у За-

* *Аксамитъ*—бархатъ.

** *Саебнѣ* или *сіебнѣ*—тонкое англійское сукно яркаго цвѣту.

*** *Сальницъ-чоботы*—сальничные сапоги.

порожцевъ, что всякую шапку называли они кабардянкою. Оружіе его состояло изъ кривой турецкой сабли, висящей лезвеемъ вверхъ, и четырехъ пистолетовъ,—два въ кобурахъ, а два за поясомъ. На груди вокругъ него обвѣтъ былъ широкій чѣресть, или патронтантъ, наполненный въ два ряда патронами. Хотя Запорожцы обыкновенно не возили съ собою, ѣдучи верхомъ, ружей, а употребляли ихъ только, когда плавали въ своихъ чѣйкахъ по морю и дѣлали подѣ непріятельскими городами вылазки; однакожъ нашъ Запорожець имѣлъ сзади, между буркою и прочими припасомъ, увязаннымъ въ торокахъ, короткій карабинъ въ чехлѣ.

Съ перваго взгляду въ немъ встрѣчались двѣ противоположности. Его щегольской праздничный нарядъ заставлялъ предполагать, что онъ ѣдетъ куда-нибудь недалеко въ гости; но его полное вооруженіе, въ которомъ недоставало только длиннаго *ра-мища**, и плотно набитые всякою всячи-

* *Ра́мище*—копье.

пой торока—явно показывали, что онъ не гулять прѣѣхалъ на Гетманщину. Съ другой стороны, глядя на его веселое и безпечное лицо, можно бы подумать, что онъ въ жизнь свою ни о чемъ не заботился болѣе, какъ о доброй чаркѣ горѣлки да люлькѣ тютюну[†]; но въ этихъ же самыхъ чертахъ тонкій «визионистъ», по рѣзкой, особеннаго рода морщинѣ надъ правымъ глазомъ и по какой-то тайной искрѣ во взорѣ, могъ бы предположить, что у него, не смотря на наружную безпечность, есть такъ *спѣчка съ носу*, какъ говорили сами Запорожцы, разумѣя подѣ этимъ вносканіемъ—скрытнѣйшій замыселъ^{**}. Впрочемъ, какъ Михайло не научился еще, посредствомъ опыта, угадывать душу по наружности, то эта особенность и не была имъ замѣчена. Ему прежде всего бросился въ глаза длинный оселедецъ Запорожца, завернутый молодецки за ухо, и черные усы, которые, будучи завиты, по обычаю съчевыхъ франтовъ, вверхъ, придавали круг-

* *Тютю́нъ*—курительный табакъ.

лону, плотному его лицу выраженію самодовольной бойкости.

Запорожець пмѣлъ, повидному, лѣтъ сорокъ. Его товариць былъ гораздо моложе; и по его не совсѣмъ еще смуглому лицу, по бѣлому *коширу* * сорочки, застегнутой красною *стѣижкою* **, а еще болѣе по задумчивому и нѣсколько смутному взору, видно было, что онъ не привыкъ оставлять домашнюю кровлю для дальнихъ походовъ и что ласкающая рука женщины недавно его оставила.

—Ге-ге-ге, козаче! сказалъ Запорожець такимъ тономъ, какъ-будто давно уже зналъ Михайла:—да ты, видно, порядочно гулялъ въ эту ночь на вечерницахъ! свѣжая голова такъ не валется при дорогѣ! Попробовалъ бы ты, пане-брате, растянуться такъ на нашихъ сѣчовыхъ поляхъ! Не долго отдыхалъ бы: якъ-разъ проснулся бъ на

* *Коширу* или *кошильра*—воротничокъ.

** *Стѣижка*—лента.

арканѣ у Татарина! Ану, вставай лишь, да побѣдемъ разомъ.

Веселый видъ Запорожца чудесно подѣйствовалъ на Михайла. Онъ тотчасъ всталъ и, скрывая отъ незнакомцевъ свою тоску, съ живостию вскочилъ на коня и поѣхалъ съ ними рядомъ. Запорожець показался ему человѣкомъ, который былъ уже въ водѣ и подъ водою, для котораго всѣ бѣдствія—трынь-трава; и онъ, подобно испуганному бурей животному, обрадовался, видя послѣ себя существо спящее и смѣлое.

—А съ далекихъ ли мѣстъ, землякъ? спросилъ Михайла спутникъ Запорожца.

—Эхъ и ты, козаче! отвѣчалъ за Михайла Запорожець:—На что намъ спрашивать, издалика ли? Это только мужики, ѣдучи на базаръ, распрашиваются, держа въ рукахъ рожки съ табакомъ, пѣзъ якого села, да пѣзъ якого хутора; а для козака всюды домъ, гдѣ только есть надъ головою небо, а подъ ногами земля. Лучше бъ ты спросилъ, куда, а не откуда.

— Да нехай же буде и потвоему, отъ-
чагь молодой козакъ:—вашего брата За-
порожца не переспоришь.

И, обратясь къ Михайлу, онъ задалъ ему
другой вопросъ:

— Куда Богъ несетъ, землякъ?

— *Отъ тобѣ и вдрагъ до галіковъ* *! вос-
кликнулъ Запорожець, смѣясь и снова ис-
давши Михайлу отвѣчать:—Куда Богъ не-
сетъ: ха-ха-ха!... Не даромъ, видно, бра-
тику, прозвали тебя Середою: прямая ты
середа! Такъ только спрашиваютъ кievскіе
богомолки. Куда Богъ несетъ! Хотѣлось
бы мнѣ видѣть такого молодца у насъ на
Сѣчи: тамъ бы тобѣ очи высмѣяли за ка-
ждое слово ⁸⁷.

— О, да я знаю, що у васъ на Сѣчи не
въ великой модѣ поминать имя Божіе! Вы

* Народная поговорка, употребленная въ такомъ случаѣ,
когда кто не знаетъ что сказать или смѣлеть.

только и знаете, що гулять да выдумывать
баландрасы. Постой лишь, пане Щербино,
вотъ я спою тебѣ про Запорожцевъ пѣсню.
Слушай:

Славими молодці нами Запорозці:
Побачили вони скирту хлѣба въ полѣ.
Отімавъ и каже: «Отб жъ, братці, щерина!»
А осуавъ каже: «Я въ вси молася».
А кошовый каже: «А я сповадася».

Славими молодці нами Запорозці:
Побачили вони чинило на балога.
Отімавъ и каже: «Ото жъ, братці, дивна!»
А осуавъ каже: «Я зъ вси козався».
А кошовый каже: «А я й повзачався» ⁸⁸.

— Э, бачъ, куды оно мѣтитъ! сказалъ За-
порожець, поправляя свой длинный чубъ:—
Со бъ то—*на догадъ бурякбес дайме капу-*
сты! то есть, сказать примѣрно, что За-
порожцы не умѣютъ ни молиться, ни же-
ниться? Однакожъ, братику, будь ты не-
только Середа, а хоть и Пятница, но всѣ-
таки брѣнешъ! Когда бъ ты побывалъ
хоть разъ въ нашемъ сѣчовомъ Покровѣ или
въ монастырѣ, то не повѣрилъ бы, что бъ
Запорожцы назвали церковью скирду хлѣба
въ полѣ. Развѣ въ одной святой Киевской

Ливръ ризы и утварь богаче нашихъ, да и то шаврадъ²⁰.

—Откуда жъ вы набрали такой утвари?

—Откуда набрали. То-то бо и есть, що вы сидите тутъ, якъ мокрые куры в думасте, что кромъ вашей Гетманщины на-чего уже больше пѣтъ и на свѣтъ! Вамъ сдается, что наша Свѣчь мало чѣмъ разнится отъ вашихъ сванковъ. Нѣтъ, постояте лишь, пріятели; вотъ какъ я вамъ расскажу, такъ вы и носы повѣсите...

—А ну, ну, послунаемъ. Только смотри, пане Щербиню, щобъ чѣсомъ не подсега ты намъ *Москаля*.

—О, да видно вамъ Москаля дѣбре насолпня! Сколько уже я видѣлъ вашей братья гетманцевъ, всё у васъ только и погово-рокъ, що: *Одъ Москаля, полъ урвавши, стѣкай*;—*Зъ Москалемъ дружи, да камень*

²⁰ Великъ Москаля шаврадъ—мѣть.

да пазухю держи;—*Коли Москаль каже сухо, то пбдимайсь по уху*;—*Москаль не свѣй братъ*;—*Коли чортъ да Москаль що окрмили, то поминай, якъ звали*; и всего не вспомнишь. У насъ на Запорожьи и духу московского не чутио; а коли який гайдамака часомъ пристаесть до насъ изъ кацаппи, мы его заразь на свой ладъ перевернемъ: подѣлъ черезъ десатокъ чортъ на немъ и узнаесть московскую кожу. Запорожець, да и только!

—Ну, а что жъ ты расскажешь про свою церковь?

—Да не про одну церковь, голова ты разумная! То таки церковь Покрова сама по себѣ, а свѣчовый монастырь, на острову рѣчки Подпѣльной, самъ по себѣ²¹.

—Монастырь? вотъ дяковника! У Запорожцевъ монастырь! Гдѣ жъ вы берете монаховъ для того монастыря?

—Отъ тобѣ и на! А ты думаешь, що Запорожець воюесть-воюесть, да такъ легъ

собака и пропадает безъ покаянія?... Знши же, голова ты разумная, что у насъ, какъ только кому удастся дожить до такой старости, что уже нетолько самъ не сядеть на коня и не замахасть острою саблею, да и коряка съ горѣлкою не удержитъ уже въ рукахъ не разливши, тотъ собираетъ все свое золото, идетъ въ монастырь, несетъ въ Божию церковь дорогіе оклады къ иконамъ, парчу на ризы, выливаетъ серебряныи и золотыя чаши и дѣлается чернецомъ. А часомъ и среднихъ лѣтъ козаки еще зараніе отписываютъ свое имѣніе на церковь за упокой души, на случай нечаянной ихъ смерти, особенно идучи на войну и не надѣячися принести домой голову. Вотъ откуда беретса у насъ утварь. А того уже я и не говорю, сколько тамъ чашъ, ливанскаго дерева образовъ, перламутровыхъ наложь и разной утвари изъ Риму абѣ отъ незаря пѣмецкаго, а есть и отъ самаго Царя московскаго, что не разъ и въ мою бытность присылали на Сѣчь «за защиту христіанства»⁴¹. А что касается до другой половини твоей пѣсни, что Запорожець не умѣетъ различить женщины отъ цапли,

то далъ бы Богъ, чтобъ это была правда! А-то нѣтъ, козаче; *знаемъ* и нашъ братъ, *идь зимуютъ* раки. Сколько бравыхъ козаковъ покинуло Сѣчь черезъ эту товаряну! Создалъ же Богъ искушеніе доброму чело-вѣку! Можетъ-быть, и я не волочился бь теперь по свѣту, примолавъ онъ, понизивъ голосъ, и что-то похожее на грусть изобразилось при этихъ словахъ на черствомъ лицѣ Запорожца.

Но его товарища этого не замѣтилъ. Михайло давно уже слушалъ его безъ вниманія. Служа въ Глуховѣ, онъ имѣлъ не одинъ случай разговаривать съ гонцами запорожскими, и всѣ эти рассказы были для него не новостью. А козакъ Середа, оживленный на время веселымъ балагурствомъ Запорожца, снова задумался о своихъ домашнихъ.

Всѣ трое ѣхали молча. Наконецъ козакъ началъ напѣвать въ-полголоса пѣсню, въ которой для него, можетъ-быть, отзывался голосъ собственнаго сердца:

Веронийъ нѣбо, грѣѣ ты вѣдо мною
 Да * рѣбій тѣгу мою!
 Рѣбій, рѣбій тѣгу во тѣмному лѣгу
 Козакѣи да поладу.

Ой аде козакъ да дорѣжьного
 Сѣвѣлами умилася:
 «Де-съ моя нѣвѣла **», де съ моя старѣшка
 Да за мною убивалася!

Ой згладѣй нѣсе, моя старѣ нѣсе,
 Слѣвѣи да обидати:
 Десь моя дитина на чуждѣи сторожъ,
 Да нѣному одвидати!

Ой згладѣй нѣсе, моя старѣ нѣсе,
 Якъ садешъ увѣчеръ зсти.
 Десь моя дитина на чуждѣи сторожъ,
 Да нѣмѣ одѣ нѣмѣ вѣсти!

Запорожець, занятый своими думами, въ разсѣянности началъ за нимъ подтягивать; но эта пѣсня, сочиненная по мужичиной, имѣла такой нѣжный, плачущій напѣвъ, что его мужественный басъ никакъ не ладилъ съ тихимъ тономъ козака.

* Частину де должно выговорити—мл.

** Нѣвѣла, нѣла—наисла. Это слово нѣмѣ употребляет-ся только въ пѣсняхъ.

—Э, и ты голова! сказалъ онъ:—охота жъ тебѣ пѣть такіа плаксивыя пѣсни!

—Не такъ бы ты заговорилъ, пане Щербиню, отвѣчалъ козакъ:—когдабъ оставилъ дома старую, безпомощную мать да сироту сестру.

—Мать да сестру! воскликнулъ Запорожець:—Что намъ матери да сестры? Вотъ наша мать, сестра и все, что угодно!

При этомъ онъ брякнулъ своею саблею.

—Бѣдная моя мать, говорилъ козакъ, забывши, повидямому, совсѣмъ о своихъ спутникахъ:—Сердце болитъ, когда подумую, какъ ты тоскуешь!... Можеть-быть, сырая земля засыплеть мнѣ очи на чужбинѣ... Но пѣтъ, неужели твое благословеніе и материнскія молитвы не зацѣпять меня отъ смерти? А на что жъ поють въ старосвѣтской пѣснѣ, что —

... который человекъ отидъ покаяніе,

Повѣлъ той счастіе себя має,

Сиротельный мечъ того нѣвѣло:

Отцѣи ѣ нѣтчина молитва зѣ для нѣбра нѣмѣніе...?

При этих словах смертная блѣдность показала на лицѣ Михайла. Голова его готова была закружиться. Онъ едва удержался на конѣ своемъ.

Какую разительную противоположность имѣлъ съ нимъ этотъ козакъ! За него молятся мать и сестра; онъ выѣхалъ въ дорогу съ благословеніемъ родительскимъ; онъ вѣрится несомнительно въ таинственную силу этого святаго благословенія; у него только и думы, что о своемъ семействѣ....

—А я? думалъ Михайло:—Чѣмъ вознагражу я то несчастіе, которымъ я неумышленно умножилъ горести своего отца? Развѣ этотъ пожаръ не есть уже признакъ кары Божіей? Какими отличіями, какими заслугами заставляю его забыть то огорченіе, которое растерзало его душу?... И неужели я, презрѣвъ благословеніемъ отповскапъ, могу надѣяться, что Богъ благословитъ мое предпріятіе?

Глухой стонъ вырвался изъ груди его.

Это обратило на него вниманіе обонхъ его спутниковъ.

—Ге-ге, козаче! сказалъ обыкновеннымъ своимъ тономъ Запорожоць:—да ты, видно, черезъ сплу перебралъ на вчерашней гулянкѣ! Жаль, что нѣтъ при мнѣ водки; я тотчасъ сдѣлалъ бы тебѣ лѣкарства. Но вѣтъ скоро доѣдемъ до шинка. Зарядъ пороку въ чарку, размѣшай хороницько, выпей, и все пройдетъ.

Козакъ Сорода былъ другаго мнѣнія на счетъ Михайла. По выраженію лица и глазъ, онъ тотчасъ отгадалъ, что у него болѣтъ душа, а не тѣло. Съ живымъ участіемъ подѣхалъ онъ къ нему и сиранивалъ причны его мукъ.

—Ахъ, братцы! сказалъ Михайло, взявши въ обонхъ за руки:—ослабъ вы знали, какой человекъ ѣдетъ межъ нами, вы, можетъ-быть, давно бы оставили меня и бѣжали, какъ отъ заразы.

—Что за диковника? сказалъ Запоро-

жесть:—Да хоть бы ты былъ самъ печальный, то и тогда бы Мартинъ Щербина не приближалъ отъ тебя. Нашему брату Запорожцу не новость вѣдаться съ чортомъ.

Слутивекъ Запорожца принялъ слова Михайловы серьезно и, оглядывая его съ ногъ до головы, спросилъ съ нѣкоторою робостью:

—Ну, кто же ты?

—О, я несчастнѣйшій человекъ въ свѣтѣ! Я про....

Но тутъ Михайло остановился: ему страшно было вымолвить роковое слово. Онъ замѣняя его другимъ и едва могъ сказать:

—Я про... гуанъ отцомъ моимъ изъ дому, съ тѣмъ, чтобъ никогда и назадъ не возвращался.

—Хе-хе! велика бѣда! возразилъ Запорожецъ:—Это еслибы всѣ тосковали потво-
ему, то на Сѣчи, вмѣсто танцевъ да пѣ-

сень, козакъ принялся бы плакать, какъ бабы. Мало ли удалыхъ головъ бросаютъ отца и мать или молодую жену съ маленькими дѣтьми, чтобъ погарновать въ чистомъ полѣ да погулять съ честнымъ товариществомъ?—Эхъ, козачо! прибавилъ онъ, потрепавъ Михайла по плечу:—*Вдарь лихою обѣ змялю! Журбою * поля не перепдеши.* Найденъ еще двадцать батьковъ межъ козаками. Тотчасъ видно, что поничокъ еще на бѣломъ свѣтѣ. Что значить для козака отецъ, мать и все семейство? Онъ помнить обѣ ихъ только пока выйдеть въ чистое поле, а тамъ—прощай навѣки родина! Онъ волепъ, какъ птица въ поднебесьи. У него тогда *Сльчъ мати, а Великій Луцъ батько*; ему тогда самая близкая родня—добрыи конь да острая сабля, да отвага и воля молодецкая!

И, какъ-бы въ подтвержденіе своихъ словъ текстомъ, онъ тутъ же затянулъ запорожскую пѣсню:

* Журба—тоска.

Кли треба поважати, то ми знаєть, за що:
Да й не маму, да й не тата, ні сестру, ні брата.

Ой у м'ясє с коника, да й тариний коника;
Ой який одень полшота, який розбійника!

Ой того-то я конику поважати буду:
За ёго не взяли бы сребла хочь цїлюю груду.

Ой що на нобіку бѣгає с шабелка гарна,
Смѣтай ёѣ, смѣтай ёѣ, чимъ вона не кава!

Ой півничко наша, півничко півничко!
Зъ буурманомъ зустрічалась да й не добѣла цїловалась.

Какъ ни просты были запорожскія убѣ-
жденія Щербини, но они подѣйстви-
вали на Михайла, тѣмъ болѣе, что онъ же-
лалъ имъ вѣрять. Мысль, что не одинъ
онъ находится въ такихъ обстоятельствахъ,
что онъ не первый примѣръ непослушнаго
сына, что цѣлое Запорожье наполнено без-
домными молодцами, бросившими навсегда
родину, эта мысль, поддерживаемая доб-
рою цѣлью его предиріятія, утѣшила его
немного; и вслѣдъ за тѣмъ прежнія на-
дежды его одна за другою стали слетаться
къ нему, какъ птицы изъ далокихъ краевъ
по возвратѣ весны.

—*Богъ не безъ милости, а козакъ не безъ
счастья, думалъ онъ:*— Неужели за первый
проступокъ въ моей жизни мнѣ суждено
не имѣть ни въ чемъ успѣха, скитаться
изъ края въ край и никогда не увидѣть
родины? Чѣмъ же я заслужилъ такую
страшную кару? Богъ милуетъ разбойни-
ковъ, а неужели не пощадитъ того, кто
съ добрымъ намѣреніемъ оказалъ сопро-
тивленіе закоренѣлымъ предрасудкамъ от-
ца?... Не знаю самъ, о чемъ тоскую.
Пенно, я новчокъ на бѣломъ свѣтѣ, какъ
говорить этотъ Запорожець. Можетъ быть,
мнѣ назначено превзойти въ славѣ всѣхъ
моихъ предковъ; можетъ-быть, Воронѣжцы,
которые теперь не впустили бы меня въ
свой ковороть *, когдабъ я вздумалъ во-
ротиться назадъ,—года черезъ два будутъ
гордиться моимъ именемъ.

—Ну, куда жъ, землякъ, теперь ты дер-
жавъ путь? спросилъ Михайла козакъ Середа.

* *Коворотъ или каловоротъ*—ворота въ сѣдъ со стороны
поля.

—Эхъ, голова ты разумная! сказалъ Запорожець, который будто условился отвѣчать за Михайла:—Это можно знать и безъ вопроса. Известно, куда собираются теперь удалые молодцы со всей Гетманщины. Вѣрно, и *свѣ-мосць*, какъ говорятъ Ляхи, хочетъ тоже перовѣдаться съ Голштинцами и ѣдетъ абѣ прямо до столицы, або до Гадяча. Правда?

—Правда, отвѣчалъ Михайло:—я ѣду до Гадяча.

—Ну, вотъ и хорошо, сказалъ Запорожець:—Товарищъ мой тоже хочетъ повоевать съ заморскими людьми; будете вмѣстѣ держать дорогу.

—А тебя жъ, пане Щербіно, куда Богъ пошлетъ? спросилъ Михайло.

—*Богъ*, а можетъ-быть, и *чортъ*, отвѣчалъ Запорожець съ какой-то странною усмѣшкою, совершенно несвойственною его лицу:—Я ѣду, куда ѣдется. Пожалуй, и я готовъ провести васъ до Гадяча. Тутъ гдѣ-

то на Гетманщинѣ есть мой великій приятель. Слыхалъ я, что онъ сдѣлался знатымъ паномъ, но ни отъ кого не добыюся, гдѣ онъ живетъ, и вотъ ѣзжу вездѣ и нпередъ, ищу во всѣхъ городахъ и селахъ и до сихъ поръ не отыскалъ еще.

—Какъ же его зовутъ? Если онъ точно сдѣлался знатымъ паномъ, то всё таки, кажется, можно бѣ добиться, хоть не скоро, гдѣ онъ живетъ: *языкъ до Києва доводитъ*.

—Въ томъ-то и дѣло, что у него двадцать именъ; и кто его знаетъ, которымъ онъ теперь называется? Прежде всё звали его паномъ *Харломъ*.

—Чудно! На что жъ тебѣ онъ такъ вѣрнѣе нуженъ? спросилъ Михайло, которому все это казалось очень загадочнымъ.

—Хочется мнѣ съ нимъ увидѣться, отвѣчалъ Запорожець:—Онъ уѣхалъ изъ нашей стороны неизвестно куда, такъ что я не успѣлъ съ нимъ и проститься, и только

через пять лѣтъ уже прослышалъ, что опутуть гдѣ-то на Гетманщинѣ.

—И ты для этого бросилъ даже Сѣчь, чтобъ только съ ними проститься?

—Я не любилъ такъ ни отца, ни матери, ни роднаго дятати, какъ люблю сего. До самой смерти я не перестану искать его, но то на Гетманщинѣ, но хоть бы по всему свѣту, и умру только тогда спокойно, когда съ ними распрощаюсь!

Оба спутника Запорожца невольно взглянулись межъ собою, какъ-бы спрашивая одинъ другаго взоромъ, что надо думать имъ объ этихъ страшныхъ рѣчахъ, которыхъ они не могли согласить со своею логикой. А Запорожецъ, можетъ-быть, предвидя ихъ вопросы, посидѣвши прервать разговоръ и сказалъ:

—А що жъ, панове молодцы, не пора ли намъ прогуляться въ чистомъ полѣ по-казацки, а-то еще кто подумаетъ, что мы

нервнй разъ отъ роду на коняхъ сплдимъ.

И всѣ трое, скакн стрелами своихъ коней, помчались по полю быстрѣ ветра.

ГЛАВА XIV.

Михайло и молодой козакъ намтрены были ѣхать въ Гадячь обыкновенною ѣзжалою дорогою, по которой, какъ я уже сказалъ, отправился полковой судья; но Запорожець отсвѣтовалъ имъ, утѣряя, что знаетъ гораздо ближайшій путь.

—Эхъ, вы головы разумныя! прибавилъ онъ, видя, что козаки не отстаютъ отъ своего шамтренія:—не успѣли выткнути носъ

изъ за батьковскихъ воротъ, а уже хотите быть умнѣе стараго съчовкѣ. Пусть будетъ и по вашему: ступайте вы своимъ путемъ, а я своимъ. Посмотримъ, кто выиграетъ. А чтобъ вы послѣ на меня не нѣняли, я напередъ скажу вамъ, что по большимъ дорогамъ шатается теперь всякая сволочь. Сами знаете, сколько гольтянѣкъ, у которыхъ нѣтъ гроша въ карманѣ, тянется до Петербурга въ красныхъ ошейникахъ, и большая часть этого народу питается подаянїемъ, а полъ-часть и воровствомъ. Поѣзжайте, когда хочете, чтобъ насъ нигдѣ не пустили въ дворъ переночевать; и не ручаюсь, довезете ли вы до Гадяча свои торока. А я добро знаю, что, поѣхавши инымъ путемъ, ни разъ не буду нѣтъ вечера безъ варениковъ, и никто не украдетъ у меня даже тютюну на люльку. Прощайте, панове-молодцы! но поминайте недобрымъ словомъ.

Сказалъ и поскакалъ отъ нихъ въ стору.

Но Михайло и его товарищъ ни сколько

не намѣрены были отставать отъ Запорожца. Они только хотѣли преклонить его на свое мнѣніе, а видя его рѣшительное упорство, опять соединились съ нимъ.

Послѣ нѣсколькихъ часовъ скорой ѣзды, они достигли рѣки Клевѣни, которая составляетъ естественную границу между нынѣшними Курской и Черниговской губерніями и соединяется съ рѣкою Сеймомъ на самомъ концѣ рубежа между Глуховскимъ и Кролевецкимъ уѣздами.

Здѣсь они остановились подъ тѣнью осокоровъ, тянувшихся по правому берегу Сейма, и пустилъ коней своихъ на лугъ, покрытый густою травою и мѣлкими кустами верболозу.

Запорожецъ поставилъ своихъ спутниковъ въ такое къ себѣ отношеніе, что игралъ межъ ними роль атамана. Онъ сперва велѣлъ имъ развести огонь, потомъ Михайлу поручилъ варить въ мѣдномъ казанкѣ кашу, пш., говоря козацки, *куліши* ⁴², а его товарищу—жарить застрѣленныхъ дорогой

дичихъ утокъ; самъ же, разлегшись у очага на буркѣ, закурилъ люльку и наблюдалъ за ихъ работою, дѣлая имъ при случаѣ нужныя наставленія и ссылаясь на авторитетъ своихъ стѣчевыхъ кашеваровъ.

Михайло охотно повиновался его распоряженіямъ. Снѣ, подобно догу Кихоту, принимавшему посвященіе въ рыцари отъ трактирщика, видѣлъ въ этомъ уже начало своего военного бивачнаго поприща, и варить кашу подъ чистымъ небомъ, на широкомъ лугу, при крикѣ часокъ и фырканихъ насущихся лошадей, казалось ему гораздо почетнѣе и во сто разъ пріятнѣе, чѣмъ сидѣть въ нышней Коллегіи, подъ тяжелыми сводами, при мертвомъ свѣтѣ дня, проходящемъ сквозь снѣга стекла глубокихъ ея оконъ.

Веселый Запорожецъ своими непрерывными шутками и разсказами не давалъ его тоскѣ всплывать на поверхность изъ глубины души. Михайло снова былъ радостенъ, снова ожили его надежды, и только иногда унылыя пѣсни козака Сероды, которыя

тотъ, въ промежуткахъ разговоровъ, затягивалъ въ своемъ обычномъ раздумьи, — трогалъ въ его сердцѣ какую-то тайную струну. Тогда Михайло скорѣе обращался съ какимъ-нибудь вопросомъ къ Запорожцу, Запорожецъ слова пускался въ безконечное свое балагурство, и грустный козакъ замолкалъ, прислушиваясь къ ихъ бесѣдѣ, въ которой тоже находилъ успокоеніе своей тоски.

Нынѣшняя Курская губернія втиснулась между Черниговской, Полтавской и Харьковской только узкимъ неправильнымъ клиномъ, вмѣющимъ форму сапога и составляющимъ Путныльскій уѣздъ. Вдоль этого клина протекаетъ въ разнообразныхъ изгибахъ рѣка Сеймъ, развѣтвляясь на множество большихъ и малыхъ рукавовъ, которые, дробясь еще на меньшія струи, опутываютъ водяными нитями весь правый берегъ и составляютъ почти непрерывную гряду разной величины острововъ.

Путники наши, слѣдуя по направленію Сейма, часто перѣѣзжали черезъ воду въ

бродъ, чтобы мпновать его извилины, и когда поднимались на высоты лѣваго берега, зеленые острова, разбросанные на противоположной сторонѣ въ живописномъ безпорядкѣ и покрытые разнообразными группами рощицъ, между которыми изрѣдка бѣгали уединенные хутора, — представляли ландшафтъ прелестнѣйшій.

Если Запорожецъ до сихъ поръ доставлялъ Михайлу и его товарищу пріятность своимъ сообществомъ, то теперь онъ сдѣлался для нихъ необходимымъ проводникомъ; ибо край, чѣмъ дальше, становился пустыннѣе, и дорожки, переплетаясь одна съ другою во всѣхъ направленіяхъ, представляли подобіе раскинутой сѣтки, по которой они, безъ его помощи, бродили бы какъ въ лабиринтѣ. Но Запорожецъ, привыкшій къ подобнымъ поѣздкамъ на степяхъ дѣлѣговскихъ, будто истинному чужаку прямой слѣдъ и воля своихъ спутниковъ съ увѣренностію туземнаго жителя⁴⁵. Особенно двинулся Михайло его опытности при переправахъ черезъ воду. Онъ съ удивительною вѣрностію угадывалъ, по теченію

нію воды, по растеніямъ и положенію береговъ, удобнѣйшій бродъ, и ни одинъ разъ его выборъ мѣста для переправы не былъ неудаченъ.

Къ вечеру казаки оставили рѣку Сеймъ влѣвъ и еще передъ закатомъ солнца достигли рубежа цынгишней Харьковской губерніи, которая въ то время называлась *Украиною*, въ отиъну отъ *Гетманщины* и *Запорожья*.

Пространство, занимаемое цынги этой губерніей, начало заселяться только въ половинѣ семнадцатаго вѣка " выходцами изъ пограничной съ Польшею Украины, которая была тогда театромъ отчаянныхъ войнъ Хмельницкаго и позорищемъ самой варварской мести *Поляковъ* надъ народомъ *Малороссійскимъ*.

Московскій Царь позволилъ этимъ выходцамъ селиться на пустынныхъ своихъ степяхъ, тѣмъ охотнѣе, что они могли защищать границу его царства отъ Татаръ, которымъ эти дикія степи служили широкимъ

путемъ для набѣговъ на Московію и которыхъ мало удерживала даже сторожевая цѣпь кургановъ, протянутая еще съ давнихъ временъ отъ рѣки *Ворсклы* до устья *Дона* (ибо стоявшія въ укрѣпленныхъ городахъ московскія рати, пзвѣщаемыя этими пограничными *сторѣжами* объ опасности, обыкновенно двигались медленно на отраженіе Татаръ и приходили въ помощь пограничную уже на обратные слѣды летучихъ ихъ отрядовъ). А чтобы привлечь туда и другихъ поселенцевъ, оны предоставили имъ полную свободу и независимость въ гражданскомъ управленіи, такъ что они не знали другой власти, кромѣ своихъ старшинъ и полковниковъ, избираемыхъ, по древнему обыкновенію, изъ среды себя, и не имѣли почти никакого отношенія ни къ царскимъ воеводамъ, ни къ гетману *Малороссійскому*.

За восемьдесятъ лѣтъ до насъ этотъ край представлялъ еще картинны дикою природою, мало измѣнившейся подъ владычествомъ человека. Узкія, едва пробитыя дороги тянулись черезъ густыя лѣса, черезъ луга,

никогда неслыхавшію звука косы, и часто через поля, нетронутым отъ вѣка плугомъ земледѣльца, покрытымъ высокою травою, степнымъ бурьяномъ и цѣлыми рощицами дикихъ вишенъ и терну. Отдѣльныхъ хуторовъ было мало, и обработанныя земли лежали только вокругъ селеній, которыя по большей части окружены были редутами и рвами.

Съ перваго взгляду замѣтно еще было въ этой сторонѣ то опасеніе нечаянныхъ набѣговъ, въ которомъ держали ее Крымцы и Погайцы до половины восемнадцатаго вѣка. Впрочемъ это должно разумѣть больше о южной части Украины, ибо въ верхней части ея, лежащей по правую сторону Сѣвернаго Донца, въ описываемую мною эпоху давно уже не слыхать было о Татаряхъ, и память объ нихъ сохранилась только въ преданіяхъ молвы народнои да въ полуразрушившихся редутахъ и крѣпостяхъ, которыя стали ненужны тамошнимъ обывателямъ со времени основанія Украинской Лишіи, то есть съ тысяча-семьсотъ-сорокъ-втораго года ⁴⁶.

Козаки наши ѣхали быстрою рысью до самыхъ сумерекъ. Уже кони ихъ начали подбиваться, и Михайло въ каждомъ встрѣчномъ селѣ и хуторѣ предлагалъ Запорожцу остановиться. Но Запорожець всякой разъ отбѣгалъ, что чувствуетъ носомъ недалеко ласковой ужинъ съ наливками и варенухою и что имъ остается еще проѣхать не болѣе двухъ верстъ.

Между-тѣмъ началъ повѣвать холодный вѣтеръ, небо мало-помалу покрывалось туманами, и скоро сдѣлалось такъ темно, что они съ трудомъ видѣли одинъ другаго. Спутники Запорожца начали изъявлять безпокойство, боясь заблудиться въ этихъ пустынныхъ поляхъ и попасть куда-нибудь въ байракъ или въ болото. Но онъ смѣялся надъ ихъ страхомъ и совѣтовалъ имъ воротиться въ село, которое они только что оставили за собою. Однакожъ молодые козаки, не смотря на свои опасенія, рѣшились лучше продолжать невѣрную дорогу съ удалымъ Запорожцемъ, чѣмъ за одинъ ранній ночлегъ разстаться съ нимъ, можетъ-быть, навсегда.

—Эхъ, вы головы разумныя! сказали какъ обыкновеннымъ своимъ тономъ Запорожецъ:—вамъ бы только кошекъ гонять за печкою! Но велика, кажется, мудрость слушаться умнаго челоуѣка, но вы и того не умѣете. Уже не даромъ мой вороной такъ прется впередъ: онъ чувствуетъ для себя доброе стойло; а когда угостятъ коня, то челоуѣкъ безъ вечера не будетъ. Не унывайте, хлопята: если мы сегодня ляжемъ спать безъ варениковъ, мой вороной не стѣнетъ копѣйки, и я любому изъ васъ отдамъ его за дюльку тютюну.

Ободривъ такимъ образомъ своихъ товарищей, онъ присвиснулъ на своего коня и помчался быстрымъ галопомъ.

Черезъ четверть часа они увидѣли вдали нѣсколько огоньковъ, сверкавшихъ прямою лннею на темномъ горизонтѣ. Михайло и козакъ Середа привѣтствовали это явленіе радостными восклицаніями; даже ихъ кони оживились и подняли шею, почувявъ близость почмега. Но Запорожецъ и его конь сохранили прежнее свое спокойствіе.

Мѣсяцъ какъ-будто ожидалъ только. пока козакъ не будетъ въ немъ нуждаться, чтобы вдругъ явиться въ полномъ блескѣ. Въ одно мгновеніе, какъ послѣ пробужденія отъ сна, открылось передъ нимъ обширное поле, устланное высокими насыпями и переритое частыми изгибами узкой рѣчки, которая, мѣстами блестя какъ сталь, отдѣлялась рѣзко отъ мутной зелени береговъ, мѣстами была темнѣе самой травы и вилась по ней какъ черный поясъ. За рѣчкою бѣгло на возвышеніи село, на краю котораго панскій домъ свѣтился пятью окнами.

—Впшь, лысый дѣдусъ! сказалъ Запорожецъ, когда мѣсяцъ высунулъ изъ-за тучи свою круглую голову:—теперь ты и показался, когда мы уже и безъ твоей ласки наткнулись на вареники; а тогда тебя и не принесло, какъ наши молодцы насилу въ сѣдлѣ держались отъ страху!

—Однакожь, пане Щербино, отвѣчалъ Михайло, когда они начали приближаться къ рѣчкѣ:—но для однихъ насъ пригодилась лысына стараго мѣсяца: смотри, мо-

стикъ цѣль только до половины, и безъ этого «лысаго дѣдуся» ты какъ разъ по купался бѣ тутъ со своимъ воронимъ.

—Эхъ, голова ты разумная! отвѣчалъ Запорожецъ:—да еслибъ мой вороной далъ тутъ прѣмаху, такъ я однимъ ударомъ шаблюки послалъ бы его сатанѣ на вечерю!

И, принявъ на своемъ сѣдлѣ положеніе летящаго воршуна, онъ гикнулъ дикимъ, пронзительнымъ голосомъ и, прежде чѣмъ эхо разнесло по полю его гикъ, былъ уже на другомъ берегу.

Оба спутника его оторопѣли отъ изумленія. Мостъ былъ довольно высокъ, и обломокъ его отстоялъ отъ берега болѣе, чѣмъ на двѣ сажени. Это пространство утыскано было тонкими полусогнутыми сваями и, еслибы прыжокъ не удался, погибала Запорожца была бѣ ужасна!

—А что жъ вы стали? кричалъ онъ съ той стороны:—Эй, вы! головы вы разумныя! что стали? махай за мною!

—Нѣтъ, пане Щербиню, отвѣчалъ Михайло:—махай уже ты самъ, когда у тебя есть про запасъ другая голова; а намъ скажи лучше, можно ли тутъ переѣхать въ бродъ?

—Можно. Смѣло рушай, говорилъ Запорожецъ:—тутъ курці по колѣни не будутъ.

И точно, рѣчка въ томъ мѣстѣ была такъ неглубока, что козаки переѣхали, не замочивъ даже ногъ.

Мѣсяцъ снова зашелъ въ тучу, но излучалъ еще сквозь нее столько свѣту, что лутники, приближаясь къ дому, могли рассмотреть въ полумракѣ его позицію. Домъ этотъ стоялъ на возвышеніи, посреди широкаго подворья, или вѣрнѣе сказать—площади, пронизанной отъ воротъ до крыльца въ два ряда низенькими строеніями и обведенной рвомъ и валомъ, на которомъ мѣстами видѣлись остатки частоколу и деревянныхъ застѣковъ. Вѣтеръ колыхалъ на валу высокій бурьянъ, спускавшійся во глубину рва, на днѣ котораго журчалъ потокъ, то

умолкая при палетѣ вѣтру, то снова отъ-
ваясь изъ глубины, когда шумъ и свѣтъ
его уносился далѣе.

Козаки, по обѣ стороны Запорожца, смѣ-
ло изъѣхали на дворъ, сквозь массивную
и чрезвычайно низкую арку воротъ, чор-
ную, косматую, которой кирпичи, осыпаясь
съ каждымъ годомъ, образовали у ея по-
дошвы покатыя насыпи, поросшія тра-
вою и какъ-бы ползущія безпрестанно вверхъ,
чтобъ погребсти наконецъ въ землѣ гнету-
щую ее рухну.

Въ это самое время на рундукъ дома
показался свѣтъ, и путники увидѣли изда-
ли нѣсколько человѣкъ, выходящихъ изъ
дому при свѣтѣ фонаря.

Запороженецъ далъ знакъ своимъ товари-
щамъ, чтобъ они молчали, и остановился
посреди двора, внимательно разсматривая
эту группу.

Свѣтъ фонаря, разливая яркое освѣще-
ніе на ближайшіе предметы, усиливалъ

окружающую ихъ темноту, и отъ того груп-
па людей, явившаяся на рундукъ, котораго
столбы и потолокъ были освѣщены, пред-
ставилась козакамъ какъ-бы висящею въ
огромномъ фонарѣ на воздухѣ, по которому
во всѣ стороны простерлась отдѣльные,
широкіе, мутные лучи и переломились сла-
бымъ мерцаніемъ на боковыхъ строеніяхъ
двора.

Читатель, можетъ-быть, ждетъ тутъ чего-
нибудь таинственнаго; но эта сцена кон-
чилась черезъ минуту самой простой раз-
вязкою. Хозяинъ, старый панъ съ сѣдыми
усами и чуприною, въ длинномъ коричне-
вомъ кафтанѣ, съ низко подпоясаннымъ ши-
рокимъ поясомъ, провожалъ двухъ гостей
въ красныхъ жупанахъ и въ какой-то особен-
ной формы шапкахъ съ перомъ, которыхъ
они, къ немалому удивленію козаковъ, не
снимали даже и тогда, когда брали изъ
рукъ хозяина послѣдній кубокъ *на дорогу*.
Остальныя лица этой группы были—два
человѣка, державшіе передъ гостями на
большихъ деревянныхъ тарелкахъ закуску,
да еще мальчикъ съ фонаремъ и два чело-

вѣка на ступенькахъ рундука, державшіе за поводья осѣдланыхъ лошадей.

Распрошавшись съ хозяиномъ, гости съѣли на конной и скрылись въ темнотѣ. Но хозяинъ всё еще стоялъ на рундукѣ и прислушивался къ топоту ихъ лошадей. Вдругъ, при поворотѣ фонаря, онъ замѣтилъ на дворѣ трехъ нашихъ всадниковъ и сказалъ радостнымъ голосомъ:

— Слава Тебѣ, Господи! вотъ еще гости!

Михайло и козакъ Середа, обрадованные такимъ радушнымъ восклицаніемъ, тронулись было съ мѣста; но Щербина остановилъ ихъ и сказалъ:

— Постоите, разумныя головы; *не пхайтесь напередъ батька съ пекло*. По всему видно, что нашъ хозяинъ долженъ быть изъ старинныхъ пановъ и, вѣрно, знаетъ запорожскіе обычаи. Надо прийтаться съ нимъ посвоему; за это онъ поднесетъ намъ лишній *михалокъ* * наливки.

* Такъ называется пованикъ, который имѣетъ вѣду.

И, не трогаясь съ мѣста, онъ закричалъ:

— *Піу! піу! піу!* (Это у Запорожцевъ значило:—Здравствуй! какъ поживаешь?)

— Что за диковинка? сказалъ хозяинъ:— да это съчовіе! чего лучше!

И, припомнивъ условный языкъ Запорожцевъ, который они употребляли, чтобъ отличать «своихъ» отъ «Гетманцевъ», онъ закричалъ ему въ отвѣтъ вопросительнымъ тономъ:

— *Піу, піу?* (То есть:—Что вы за люди и откуда?)

А Запорожецъ отвѣчалъ ему въ рѣму:

— *Козаки зъ Ліу* *.

— *Повѣшайте тамъ, де и наши*, сказалъ хозяинъ (То есть:—Привяжите своихъ лошадей возлѣ нашихъ, на конюшнѣ):— *а самижте просимъ до хаты*.

Разговаривая такимъ образомъ съ хозяиномъ, Запорожець не замѣтилъ, что два незнакома въ красныхъ жупанахъ и въ пернатыхъ шапкахъ, проѣхавъ къ воротамъ, снова воротились и остановились позади ихъ, въ нѣкоторомъ разстояніи. Одинъ только Михайло обратилъ на это вниманіе, и между тѣмъ какъ Щербина игралъ съ хозяиномъ въ лапопзмы, а козакъ Середя двинулся отъ всей души ихъ разговору, онъ услышалъ позади себя нѣсколько словъ, которыя заставили его сильно задуматься.

—Это они, говорилъ первый голосъ.

—Такъ, они. Теперь, братъ, мы смѣло считай у себя въ карманѣ по сто дукатовъ.

—Не лучше ли намъ остаться ночевать у пана Бардака? Равно онъ такъ насъ упрашивалъ, говорилъ опять первый голосъ.

—Нѣтъ, братъ, отвѣчалъ ему другой:—ворочаться неловко. Статься можетъ, что они видѣли уже которую-нибудь изъ на-

шихъ сторожъ и могутъ постеречься.

Михайло, можетъ-быть, услышалъ бы еще и больше, но Запорожець кончилъ уже оригинальное свое объясненіе съ паномъ Бардакомъ и двинулся къ рундуку. Михайло долженъ былъ слѣдовать за нимъ.

Тутъ хозяйскіе слуги взяли ихъ лошадей, а панъ Бардакъ, сдѣлавши имъ установленныя обычаемъ привѣтствія, повелъ ихъ за собой въ свѣтлицу.

ГЛАВА XV.

Вошедши за хозяиномъ въ свѣтлицу, казаки увидѣли на столѣ слѣды только-что конченнаго ужина и нѣсколько кувшиновъ и кружекъ, стоящихъ въ безпорядкѣ по-межъ стеклянныхъ и серебряныхъ чарокъ, кувлей и коряковъ.

Запорожецъ помолчалъ иконамъ, поклонился хозяину и сказалъ:

— *Отдамане, товариство, ваши головы* ⁴⁷.
(Это значило:—Поручасмъ свои головы святости гостеприимнаго крова.)

Хозяиниъ, перецѣловавшись сперва съ каждымъ изъ нихъ, тожо кланался и отвѣчалъ:

— *Ваши головы, ваши головы*. (То есть:—А мы отдаемъ свои головы въ ваше распоряженіе.) Просниъ, панѣве молодцы, садяться.

Между-тѣмъ онъ окинулъ внимательнымъ взглядомъ своихъ гостей и заключилъ, что Михайло долженъ быть межъ ними господиномъ. Его богатое вооруженіе, его ровный и роскошный ростъ, вольная поступь, а больше всего—благородная красота лица, показывали явно, что онъ взросъ не въ нуждѣ и принадлежитъ къ панскимъ дѣтямъ. Хотя жъ Запорожецъ своею бойкостью и свободнымъ обращеніемъ, а также щегольствомъ наряда и оружія, могъ бы, казалось, поколебать это заключеніе; но у малороссійской знати было тогда въ обы-

чаѣ держать при себѣ разодѣтыхъ какъ кукла Запорожцевъ, которые исправляли при нихъ вмѣстѣ должность адъютанта и шута. А потому онъ, со всею вѣжливостію взявши Михайла подъ руку, просилъ его занять почтительнѣе мѣсто за столомъ подъ образами. Но Михайло отказался отъ этой чести и сказалъ, что старшій межъ ними — панъ Щербина.

Съ своей стороны гости рассматривали хозяйна, стараясь по наружнымъ приметамъ опредѣлить степень его важности и установить для себя манеру обращенія съ нимъ.

Почтенныя сѣдны пана Бардака, его важный, хоть и веселый, видъ и звонкій голосъ, въ ласковомъ тонѣ котораго отзывалось что-то повелительное, внушили молодымъ козакамъ невольное уваженіе и заставили ихъ держаться стариннаго правила, по которому молодые люди, сидя съ отцами и дѣдами за однимъ столомъ, должны были хранить ненарушимое молчаніе и слушать, что говорятъ старшіе, — хотя и безъ того

козакъ Серода, всѣ грустившій о своей сестрѣ и матеря, а Михайло, озадаченный подслушанною имъ рѣчью незнакомцевъ, расположены были болѣе молчать, чѣмъ говорить.

Что же касается до Запорожца, онъ несколько не раздѣлялъ почтительнаго ихъ чувства и ничуть не перемѣнилъ своей обычной фамильярности съ кѣмъ бы то ни было, какъ человекъ, который такъ много имѣлъ дѣлъ съ людьми, что для него всякій человекъ былъ какъ-будто уже знакомъ. Сидя на покурѣ, онъ вынулъ изъ кармана свою деревянную ложку и сказалъ хозяйну:

— Прошу жъ пана добродѣя, *милхъ бѣндзъ ласка паньска*, какъ говорятъ Ляхи: — не гнѣваться, что я не буду ѣсть хозяйскою ложкою, бо у насъ на Запорожьѣ такой обычай. Всякій козакъ повиненъ имѣть свою ложку. Иногда бываетъ, пошлють съ какою-нибудь повѣсткою по зпмовникамъ, то не разъ случится застать козаковъ за обѣдомъ. Ну, извѣстно, скажешь имъ какъ слѣдуетъ: *Хлѣбъ да соль*. А ужь Запо-

рожицы не обойдётся без шуток. Съ разу не посадят за столъ, какъ панъ добродѣи насъ⁴⁹. Сидятъ себѣ какъ святые, и не смотря на тебя, только знай галушки лыгають; а одинъ кто-нибудь на твою *халбѣ да сѣль* скажетъ: *Вми да сѣй, а ты у порога постѣи*. Вотъ тутъ уже не плошай, а то заразъ назовутъ блухомъ⁵⁰. Скорѣй ложку изъ кишени⁵¹ (бо нашему брату съчонку не пристало, якъ табушники, носить ее въ кожаномъ ложечникѣ около пояса),—ложку зъ кишени да до стола: Э, нѣ, братцы, дайте и мнѣ мѣсто! То уже какъ увидать, что козакъ бывалый, такъ заразъ тебѣ михалокъ горѣлки въ руки да и садать подлѣ отъмана.

—Вотъ какъ у насъ! говорилъ хозяинъ съ невольною усмѣшкою, ибо наружность Запорожца имѣла особенное свойство поселать въ его собесѣдникахъ веселое расположение духа и внушала непреодолимую охоту смѣяться.

⁴⁹ *Блуха или блуха*—бессмысленный человекъ.

⁵¹ *Кишени*—карманъ.

—Я всегда любилъ Запорожцевъ, продолжалъ онъ:—на нихъ еще только и опирается вся наша вольность; а не будь Запорожья, не будеть и Украины. Славный народъ. Умѣеть хорошо рубиться, а еще лучше пить, а еще лучше шутить. У меня даже есть цѣлая книжка объ ихъ обычаяхъ и разныхъ «фортеляхъ». Она досталась мнѣ отъ покойнаго моего тестя, который самъ былъ въ Сѣчѣ курѣннымъ отъманомъ, а потомъ воротился на отцовскую землю. Начинается она такъ: «Обычай запорожскіе чудны, поступки хитры, рѣчи и вымыслы остры и большею частію на крѣтику похожи»⁵².

—Такъ, такъ, сказалъ Запорожецъ:—Только уже, паню добродію, не долго остается намъ забавлять Божіи міръ своими шутками «Убрали уже насъ въ мѣшокъ» Москали дѣлаютъ свои липѣями, крѣпостями да сербскими рютами; «осталось имъ еще придумать, какъ завязать этотъ мѣшокъ»⁵³. Но что жъ ты будешь дѣлать, когда такая, видно, воля Божія! Не даромъ у насъ ведется издавна пророчество, что будеть

когда-то на Москвѣ «Царина бѣлая», которая распугаетъ Запорожцевъ, какъ двѣихъ чаякъ, по всему свѣту!

— Кажется, что на то похоже, отвѣчалъ панъ Бардакъ, задумчиво потупивъ голову:— кажется, что на то похоже. Но оставимъ это: *що буде, то буде; а буде те, що Богъ дасть*. Такъ говорилъ батько козацкій Богданъ Хмельницкій, и врагъ меня побери, когда на свѣтъ было что-нибудь умнѣе этого сказано! Что жъ, любезныю моп гостю? скажите мнѣ теперь, куда васъ Богъ несетъ, коли ласка ваша, бо у меня часомъ бывають и такіе, что бѣлы точать, а что они за люди, отъ нихъ и въ пять дней не добьешься. Вотъ, наприкладъ, эти красныя жупаны, которые только что передъ нашимъ прїѣздомъ выѣхали. Можетъ-быть, вы ихъ даже встрѣтили.

— Да, мы ихъ видѣли, сказалъ Мпхайло:— что жъ это за народъ такой?

— А Богъ ихъ знаетъ. Вотъ, какъ видите: прїѣхали, паѣлись, папцались, поѣхали;

а спросите, что за гости у меня были, я и самъ вамъ не скажу. У нихъ и платье не понашему, и выговоръ словъ какой-то страшный, и всѣ ухватки ихъ совсѣмъ не наши. Одно только знаю, что они крестятся похристіански. Но хригъ имъ! что они для насъ за важныя особы? Вы мнѣ скажите лучше о себѣ, дорогіе гости, что вы за люди?

— Люди какъ люди, отвѣчалъ Запорожець:— съ руками, съ ногами, съ головою; а куда ѣдемъ, это другое дѣло. Можетъ-быть, панъ добродѣи слышалъ, какая суматоха поднялась теперь на Гетманщинѣ. Всѣ прутся до столицы, якъ грѣшныя души до пекла*. Вотъ и моп молодцы ѣдутъ въ Гадачъ, чтобъ пристать тамъ до вербунки.

— Въ Гадачъ! сказалъ панъ Бардакъ:— Плохо жъ, панове, вы начали свое дѣло: видно, вы не помолились сперва Богу и не поблагословились у отца-матери.

* Пѣснь-дѣло.

—А что жъ такое этотъ Гадячъ? спросилъ разомъ Михайло и козакъ Середа.

—Да не Гадячъ, козаки, не Гадячъ, а тотъ, кто въ Гадячѣ, — Крыжановскій проклятый! Наши слобожане хорошо уже знаютъ, что это за человекъ. Всѣ добрые люди бѣгутъ отъ него, какъ отъ Антихриста, и не дай, Боже, никому связаться съ нимъ: принадесть и тѣломъ и душою. Пока не было этого окаяннаго проидисѣта въ Гадячѣ, все межъ нашими панами было спокойно. Развѣ только разъ въ годъ услышавши, бывало, что гдѣ-нибудь пострѣлялось за кусокъ поля, да тутъ же и запьютъ свою ссору. А теперь, особенно тамъ дальше за Ахтыркою, ни одного панскаго двора вы не найдете безъ валовъ и засѣковъ; и тѣ самія пушки, которыми наши отцы отгоняли Татарву, теперь паны ставятъ одинъ противъ другаго. Я самъ даже думаю поправить частоколъ и поднять на колеса дѣдовскіе чугушныя пистолеты, которые заснувъ уже, врывшась въ землю. Чего добраго! найдется, можетъ-быть, и на меня какая бостіа. Проклятый анти-

христъ спидитъ какъ паукъ въ своемъ Гадячѣ и опутываетъ сѣтми все наши слободы. Его шпионы такъ и шныряютъ по всѣмъ закоулкамъ, какъ демоны на искушеніе рода человѣческаго. Мы знаемъ, чего онъ добивается; но не удастся и самому дѣдкѣ пекельному...

—Откуда жъ онъ взялся? спросилъ Запорожецъ:—Вѣдь онъ, какъ ты, пане отъ-мане, сказалъ, не изъ здѣшнихъ сторонъ?

—Нечистый его знаетъ, откуда припесло его на Гетманщину! Этого вамъ не скажетъ навѣрно ни одинъ человекъ. Одни говорятъ, что онъ Жидъ; а другіе, что онъ Черногорецъ. Есть и такіе, что называютъ его прямо такъ невѣрнымъ Турчиномъ. Но можно знать, кто говоритъ правду. Но то уже вѣрно, что онъ знаетъ съ лукавымъ. Богатства его непчислимы; онъ успѣваетъ во всемъ, что бѣ ни затѣяетъ, и говорятъ, будто умѣетъ дѣлать такіа чарованья, что при всемъ его безобразіи, никакая женщина не можетъ ему противиться. Только наведетъ свои грѣшныя очи на

красавицу, то уже и его...

Михайло невольно вспомнил тутъ Катериу. Запорожець нахмурился и проворчалъ:

—Что за чортъ?...

—Но присявь ему сатана! продолжалъ хозяинъ:—такого великаго грѣшника не годилось бы и вспоминать за святымъ хлѣбомъ.

—Хлюпцы! закричалъ онъ, оборотась къ своимъ слугамъ:—а что жъ вы, бѣсовы дѣти, заснули тамъ у порога? Давайте еще что-нибудь! Да сказать кухарю, чтобъ поспѣшилъ съ варениками!

—Выбачайте *, милые гости, сказалъ онъ потомъ, перемѣняя вдругъ грозный голосъ феодала на ласковый тонъ гостеприимнаго Украйнца:—выбачайте, что застали на голодную вечерю. Когдабъ вы пріѣхали

Выбачайте — извините.

двумя часами раньше, вы не пожаловались бы на скупость пана Бардака; да и кубокъ наливки пріятнѣе было бы вамъ взять изъ бѣлыхъ рукъ моихъ панночекъ, которыя теперь уже спятъ, чѣмъ отъ меня старика. А?—Особенно тебѣ, возаче, приговаривъ онъ оборотась къ Михайлу, котораго цѣтущая красота, повидимому, илѣнила стараго пана (ибо замѣчено, что родители красавыхъ дочекъ въ особенности любятъ выбрать для нихъ и жениховъ красавыхъ, какъ-будто имъ жаль свою прелестную картинку вставить въ старую или поуклюжую раму):—А можетъ-быть, и твоему сосѣду такъ же? продолжалъ панъ Бардакъ:—хоть по его глазамъ я и вижу, что онъ оставилъ дома коханку. А о тебѣ, мой бравый рыцарь, я уже и не говорю: для Запорожца люлька тютюну больше значитъ, чѣмъ всякая красавица:

*Мѣтъ съ жѣною не возитъся,
А тютюнь да люлька козаку въ дорожѣ понадобятся.*

Такъ, пане Щербино?

Не извѣстно, что отвѣчалъ бы Запоро-

жегъ, еслибъ въ это самое время два хлопца не поставили на столъ, на деревянной тарелкѣ, огромной щуки, которая на эту пору, при хорошемъ его аппетитѣ, показалась ему самымъ достойнымъ предметомъ для вниманія и размышленія.

— Не во гнѣвъ тебѣ, пане отамане, будь сказано, говорилъ онъ, обращаясь къ хозяину: — твой хлопци настоящие блухи: не умѣютъ даже какъ слѣдуетъ поставить рыбы на столъ. Ты бы отпразднелъ ихъ хоть на одинъ годъ въ нашу Сѣчь поучиться добрымъ обычаямъ.

— А какъ же надо бы поставить его повашему, посячевому?

— У насъ, шаньбени мѣсци пане добродію, какъ говорятъ Ляхи, дѣлается все съ толкомъ, отъ великихъ вещей и до малыхъ. Какъ только наступитъ часъ обѣду, кухарки наиваютъ всякую страву * въ деревяныя

* *Справы* — кушанье.

ваганіи * и ставятъ ихъ на сѣрно, то есть, повашему сказать бы просто — на столъ **; а рыбу ставятъ на стѣбло, а повашему — на подставкахъ, выше ваганѣвъ, чтобъ она по всѣмъ столамъ была на виду, и притомъ такъ, что каждая рыба, хоть бы то была самая мѣлкая плотка, должна лежать головою противъ того мѣста, гдѣ сидитъ отаманъ **.

Тутъ онъ повернулъ лежавшую передъ нимъ щуку головою къ пану Бардаку.

— Да, сказалъ панъ Бардакъ: — это у васъ обычай похвальный. Смотрите жъ вы, блухи, какъ справедливо назвалъ насъ панъ Щербина, чтобъ вы всегда ставили рыбу и все прочее — головою къ отаману. Ну, скажите жъ вы мнѣ, панове голштинцы, издали ли вы ѣдете?

— Я ѣду изъ Глукова, отвѣчалъ Михайло.

* *Ваганіи* — большая деревянная чаша.

** *На сѣрно* — значило собственно на столъ, покрытый скатертью.

—Бывалъ я когда-то въ Глуховѣ, говорилъ панъ Бардакъ:—У меня тамъ есть старинный мой сослуживецъ и кумъ, полковый судья Животовскій. Славный чело-вѣкъ! Богъ знаетъ, каково ему теперь жи-вется, а когда-то, въ старые годы, мы съ нимъ да съ его погойною Ганною Иванов-ною, да еще, когда знаете, съ Яковомъ Ивановичемъ Коробкою, полковымъ аса-уломъ, добре скакали черезъ огонь чебе-рачки ²². Бывало, соберется къ нему или къ Якову Ивановичу Коробкѣ гостей пол-ная свѣтлица,—шумъ, смѣхъ, музыка, пѣ-сни... Нѣтъ, братцы, теперь уже такъ не веселятся: на все, видно, есть своя пора. Ты жъ, козаче, изъ самаго таки Глухова ѣдешь, или нѣтъ?

—Я оттого сказалъ—ѣду изъ Глухова, что тамъ служилъ я въ Коллеги ²³; а отецъ мой, сотникъ Чарнышъ, живетъ по-далеко отъ Глухова, въ Воронѣжѣ.

—Чарнышъ. Это не тѣхъ ли Чарнышей, которые такъ славно воевали въ *Шведчину* и изъ которыхъ потомъ одинъ, генераль-

ный судья Иванъ Чарнышъ, былъ товари-щемъ несчастнаго нашего Полуботка?

—Да; дѣдъ мой былъ родной братъ Ивана Чарныша, отвѣчалъ Михайло.

—О, такъ я считаю за честь имѣть сво-имъ гостемъ двоюроднаго внука одного изъ послѣднихъ нашихъ страдальцевъ, которыхъ имена будутъ вѣкъ священны для Мало-россiи!

При этомъ глаза его оживились какимъ-то особеннымъ чувствомъ. Онъ обнялъ Ми-хайла съ горячностью и сказалъ:

—Старайся жъ, братику, и ты достойно поддержать славу своего рода. Фамилія Чарнышей всегда была одною изъ самыхъ благородныхъ и усердныхъ для отчизны фамилій въ Малороссiи.—Ну, а ты, козаче? обратися онъ къ Серсдѣ.

—Что меня спрашивать? отвѣчалъ Се-рода:—Я бѣдный козакъ изъ-подъ Нѣжина. Мать моя за послѣдніе грѣшныя справила

6.

мнѣ коня, какъ та вдова своему Ивасю Коновченку, что поютъ въ пѣснѣ.

—А, Коновченко, Коновченко!... Ты, братику, припомнилъ мнѣ славную пѣсню, да жаль, что мой бандуристъ нездоровъ, а-то было бъ чего послушать хоть бы и вашему пану сѣчевому.—Ну, смотри жъ, козиче, воюй я ты такъ храбро, какъ вдовиченко Коновченко.—Теперь, пане Щербина, скажи мнѣ ты, куда ты ѣдешь такъ далеко отъ своей славной Сѣчи?

—Бду я въ гости къ одному своему старпинуному пріятелю. Не знаю, будетъ ли онъ мнѣ радъ или нѣтъ, только мнѣ крѣпко хочется съ нимъ увидѣться.

—Гдѣ жъ твой пріятель живетъ?

—Я и самъ еще не знаю этого.

—Какъ же ты ѣдешь, не зная самъ, куда?

—Что объ этомъ толковать? сказалъ Щер-

бина:—Обычап запорожскіе чудны, поступки хитры,—ты жъ самъ недавно говорилъ. Еслибъ я началъ тебѣ, пане отамане, все рассказывать, то не стало бъ на это и пѣлої почы; а уже и такъ пора дать тебѣ покой, да и намъ отдохнуть съ дороги. Можетъ-быть, скоро доведется намъ еще увидѣться, тогда будетъ иное дѣло; а теперь—*не жалуйся, да Богу молись.*

Еще нѣсколько времени продолжалась веселая беседа, перемежаемая частыми кубками. Наконецъ всѣ разошлись спать по настоящему требованію Запорожца, который, хотя, казалось, былъ бессмысленно пьянъ, однакожъ, къ удивленію Михайла, до послѣдней минуты помнилъ, что имъ надо завтра выѣхать въ дорогу рано, и давалъ хозяйскимъ хлопцамъ самыя точныя наставленія, какъ надо кормить и поить лошадей, не забывая впрочемъ и тутъ ссылаться на обычай сѣчевые, которые онъ считалъ совершенствомъ человѣческой мудрости.

Панъ Бардакъ хотѣлъ было положить гостей своихъ въ свѣтлицѣ, но Щербина съ

негодоваиёмъ отвергнувъ это предложеніе, унижающее его воинственное мужество, и настаивалъ, чтобъ ему постлали постель подъ открытымъ небомъ, посреди двора.

Михайло и козакъ Серода, боясь заслужить у Запорожца худое о себѣ мнѣніе, тоже не согласились спать въ свѣтлицѣ, хотя это было бы для нихъ гораздо пріятнѣе ночлега на холодномъ воздухѣ, подъ дыханіемъ порывистаго вѣтра.

Запорожець сквозь сонъ часто размахивалъ руками, скрежеталъ зубами, клялся и произносилъ кому-то угрозы. Видно было, что душа его неспокойна и въ ней кроются какіе-то кровавые замыслы.

Сонъ козака Сероды былъ крѣпокъ и тихъ. Его души еще не возмущали бурныя страсти. Любовь къ своему семейству, надежда и легкое уныніе были главнѣйшими его чувствами. Ему снилось, что онъ уже возвращается съ походу впередъ отряда командуемыхъ имъ козаковъ, везеть богатую добычу—сребро, золото и дорогія сѣкна.

Уже онъ приближается къ своей бѣлой, съ высокою трубою, хатѣ, потопленной въ зелени густаго вишневаго сада, подъ которымъ тихо плыветъ сонная рѣчка. Вотъ выбѣгаетъ къ нему навстрѣчу милая сестра къ вѣнкѣ изъ полевыхъ цвѣтовъ, въ бѣлой, съ вышитыми заполючьо рукавами, сорочкѣ. За нею торопливымъ, но невѣрнымъ, шагомъ поспѣшаетъ его старушка-мать. Она, всплеснувши въ восхищеніи руками, не можетъ вымолвить слова: радость захватила ей дыханіе, та радость матери, которой никакія слова не могутъ выразить. Онъ велитъ своимъ козакамъ играть въ трубы, онъ соскакиваетъ съ коня, обнимаетъ мать и милую сестру. Слезы, отрывистыя восклицанія, молитвы!

Совсѣмъ другіе были сны Михайла. Въ его душѣ мрачно; ему все угрожаетъ; сонныя видѣнія его мутны и несвязны. То грезится ему, будто онъ окруженъ однимъ множествомъ людей: за нимъ гонятся, его преслѣдуютъ; онъ чувствуетъ въ душѣ своей какое-то ужасное злодѣяніе. То какая-то неизвѣстная ему женщина необычайной кра-

соты вѣдетъ его надъ страшными пропа-
 стями по узенькому мостику. Тутъ же чей-
 то голосъ говорить ему: «Видно ты не
 помолился Богу, начная свое дѣло, и не
 поблагословился у отца-матери». Тутъ же
 полковой судья сидитъ печальный и гово-
 ритъ свое: *Не сотвори злая за благая.*
 Ключникъ Семсѣй повторяетъ ему отцов-
 ское проклятіе; а Катерина лежитъ без-
 чувственна въ кровп. Наконецъ является
 Крыжановскій съ двумя знакомцами въ
 красныхъ жупанахъ. Все прежнее исче-
 заетъ. Михайло стоитъ на высокомъ утѣсѣ;
 подъ ногами у него бездна. Онъ съ ужа-
 сокъ слышитъ изъ бездны голосъ своего
 отца: «Рука Господня постигнетъ тебя,
 сынъ неблагодарный!» Невыносимое от-
 чаяніе терзаетъ его душу; какая-то невиди-
 мая сила влечетъ его въ глубину, откуда
 слышенъ голосъ его отца. Онъ умоляетъ
 Крыжановскаго взять его подъ свое покрови-
 тельство. Но Крыжановскій засмѣялся и
 велѣлъ столкнуть его въ пропасть. Съ оска-
 ленными зубами, съ лютымъ крикомъ бро-
 саясь на него красные жупаны. Онъ вскри-
 кнулъ и пропалъ.

ГЛАВА XVI.

Запорожецъ былъ уже на ногахъ и бу-
 дилъ своихъ товарищей, называя ихъ, по
 своему обыкновенію, разумными головами.

Востокъ едва только начиналъ еще заго-
 раться. Небо было чисто, вѣтеръ утихнулъ,
 и наступающее утро обѣщало нашимъ пу-
 тешественникамъ прекрасный день.

—Выводите, братцы, коней, да поѣдемъ,

сказалъ Щербина.

И между-тѣмъ какъ его спутники сѣдали ему в себѣ коней, онъ растолкалъ спавшаго въ конюшнѣ хлопца и послалъ его къ пану Бардаку съ извѣстіемъ, что козаки ѣдутъ и благодарять ему за хлѣбъ-соль.

Черезъ минуту панъ Бардакъ, съ заспанными глазами, явился на рундукѣ въ нагольномъ тулупѣ, которые старосвѣтскіе наши паны обыкновенно употребляли вмѣсто халата.

—Бойтесь Бога! кричалъ онъ гостямъ своимъ, видя, что они сѣдять уже на коняхъ:—Что это вы дѣлаете? Вы должны еще сегодня у меня обѣдать. И за обѣдомъ вы услышите, каково мой бандуристъ играетъ и поетъ про Кошовченка!

—Ой нѣтъ, пане отамане! отвѣчалъ Запорожець:—не таковы наши дѣла, чтобы гулять по цѣлымъ днямъ на бенкетахъ. Благодаримъ за хлѣбъ, за соль и за угощеніе; а про Кошовченка мы и сами за-

поемъ, коли захочемъ. Жаль только, что не удобно возить бандуру въ дорогѣ.

—Такъ прошу жъ хоть на одинъ часъ до хаты. Какъ же можно не выпить на дорогу?

—Эге, козаче! отвѣчалъ Запорожець:—видно, ты рѣдко читаешь книжку своего тестя. У насъ на Сѣчи выбили бѣ того добре кіями, кто вздумалъ бы, выступая въ походъ, посоветоваться съ михалкомъ. Нѣчего сказать, твои наливки и варенуха годялись бы на бенкетъ хоть и самому кошовому, но спрятай ихъ для добрыхъ людей, а намъ пора уже честь знать.

—Что за дьявольщина! воскликнулъ панъ Бардакъ съ досадою, и его добродушное лицо вдругъ перемѣнило свои спокойныя черты: брови насупились, на лбу показались глубокія морщины, и жаркая краска покрыла его щеки:—Что за дьявольщина! За кого жъ вы меня принимаете? Что я, липикарь для васъ какой, что ли? Развѣ не видите вы этихъ пистолетовъ? (Онъ

указалъ на пушки „, валившіяся въ разныхъ мѣстахъ по двору и на валахъ.) Они теперь спятъ, но было время, когда мой дѣдъ и отецъ гремяли ими на Татарию и защищали тысячи своихъ подданныхъ. Не забывайте, съ кѣмъ имѣете дѣло.—Хлопцы!

На этотъ зовъ въ одну минуту явилось множество плечистыхъ и дюжихъ слугъ, которые, вѣроятно, еще прежде призыва оставили постели, заслыша крикъ своего пана.

—Запереть ворота и не пускать этихъ господъ.—Теперь, любезные гости, обратился онъ снова къ нашимъ путникамъ, перемѣнивъ вдругъ грозный свой тонъ на ласковый, хотя суровая краска, несошедшая еще съ его щекъ, совершенно противорѣчила его словамъ:—теперь проспите васъ покорно до покою. Закусимъ, что Богъ послалъ, поглядимъ хорошенько дорогу „ и разстанемся добрыми пріятелями.

—Онъ нѣтъ, голова ты разумная! сказалъ Щербина:—не водится у Запорож-

цевъ, чтобъ ихъ кормили на привязи, какъ собакъ. Прикажи, коли хочешь, своимъ олухамъ отпереть ворота; а не то,—они долго не забудутъ, изъ чего сдѣлана моя нагайка.

—Э-э, пріятель! вскрикнулъ деспотъ-хозяинъ, вспыхнувши снова:—много ты бѣднилъ по сѣбѣ, да мало, видно, встрѣчалъ добрыхъ людей, которые бѣ тебя проучили. Еще ни одинъ гость не выѣзжалъ изъ двора Пана Бардака безъ кубка на дорогу, ни отъ меня, ни отъ моего отца, ни отъ моего дѣда; и если ты затѣялъ, для запорожской шутки, опозорить мое имя, то это удастся тебѣ развѣ съ помощью саташи.

—Гей, хлопцы! закричалъ онъ, возвысивъ голосъ такъ, что стѣны задрожали:—беряте, сабли, бордыши, булавы и покажите мнѣ, что ваши руки привыкли управлять не однимъ плугомъ! А между-тѣмъ дайте мнѣ дѣдовскую саблю. Пусть этотъ бойкій Запорожецъ узнаетъ, сколько въ ней фунтовъ.

—Я готовъ! сказалъ безстрашный Запо-

рожець, обнаживъ чистую, какъ зеркало, полосу своей турецкой сабли:—я готовъ чокнуться съ вами во славу Съчи и ея мудрыхъ обычаевъ.

Онъ утвердился на сѣдлѣ и спокойно ждалъ, пока вооружится вся челядь мало-россійскаго барона. Его вороной, почуявъ звонъ оружія и грозные крики, поднялъ уши, вадулъ ноздри; ноги его принимали безпрестанно новыя положенія, обнаруживавшія закипѣвшій въ немъ боевой жаръ, и черныя очи наполнились огнемъ.

—А нуте, паны-братцы! говорилъ между — тѣмъ Щербина своимъ товарищамъ:—пока еще доведется вамъ гонять Голштигцэвъ, покажите передо мною, что вы козаки, а не бабы.

—Гей! стройся въ лаву! сабли наголо! закричалъ онъ, какъ-бы команду значительнымъ отрядомъ Запорожцевъ.

И власть его надъ умами молодыхъ козаковъ была такова, что они не размышля-

ли уже своимъ умомъ, слѣдили только за его движеніями, какъ-будто онъ обладалъ талисманомъ, готовымъ защитить ихъ противъ цѣлаго свѣта. По его командѣ, они выхватили сабли и готовы были къ битвѣ.

Не извѣстно, чѣмъ бы кончилось это странное угощеніе, еслибъ хлопцы скорѣе привесли пану Бардаку его дѣдовскую саблю. Но медленность ихъ заставила его самаго отправиться искать ея, оставя гостей окруженными цѣлою толпою слугъ, вооруженныхъ оружіемъ разныхъ сортовъ, разныхъ вѣковъ и разныхъ народовъ; и когда онъ появился снова на рундукъ, размахивая своею саблею, Щербина уже одумался. Онъ опустилъ саблю и сказалъ самъ себѣ тихо:

—Дурная и твоя голова, пане Мартыне! гонишься за лисицею, а стрѣлаешь зайца!

—Пане отамане! закричалъ онъ къ хозяину:—полно! угамуйся, не роби кóлоту. Божусь тебѣ, чѣмъ хочешь, что не трусость заставила меня уступать тебѣ; ей Богу,

не трусость! Это подтверждать тебѣ не то цѣлое Запорожье со своимъ кошовымъ, Ясневельможнымъ паномъ Калнишынкомъ, да в сама Татарва съ Турками. Не таковы мои дѣла, чтобъ забавляться съчею. Я уступаю, но и ты жъ не торгуйся. Не принуждай меня напиваться допьяна на дороге, а-то мнѣ стыдно послѣ будетъ назваться рыцаремъ славнаго войска Запорожскаго. А чтобъ сдѣлать честь твоему дому, я готовъ выпить на дорогу однаж корякъ доброй пивки, но одинъ, не болѣе.

—Добро, сказалъ панъ Бардакъ:—добро, козачо. По домамъ, хлопцы! отпереть ворота! подать сюда *Дорошенкоу чарку* и старой сливки.

Всѣ эти приказанія исполнены были въ одну минуту. Но Михайло и козакъ Серода ужаснулись, когда увидѣли *Дорошенкоу чарку*. Это былъ огромный серебряный корякъ, мѣрою въ двѣ кварталы, в серединѣ вызолоченный, а снаружи украшенный разными мнелогическими барельежами превосходной работы.

Но Запорожець, вѣрный данному слову, не могъ уже отказаться отъ своего обѣщанія. Онъ только покрутилъ головою и сказалъ тихо:

—Вшь, старый хрыщъ!

Между-тѣмъ панъ Бардакъ исполнилъ свою сверхъестественную чарку изъ большаго мѣднаго кувшина и, поднося ее Запорожцу, сказалъ:

—За твою молодецкую смѣлость и отвагу, я попотчиваю тебя тѣмъ самымъ кошемъ, изъ котораго пилъ славный и храбрый гетманъ Петро Дорошенко. Дѣдъ мой служилъ при немъ асауломъ. Они вмѣстѣ воевали противъ окаяннаго Бруховецкаго и проклятаго Многогрѣшнаго,—да будетъ ему коломъ земля! вмѣстѣ крутили Польшу и Татарву; и когда Ясневельможный, поупеніемъ Божиимъ, принужденъ былъ уступить спящъ своихъ враговъ и отказаться отъ Чагирина, то, разставаясь со своимъ асауломъ, онъ подарилъ ему на память свой ковшъ. Этотъ ковшъ зовется въ нашей са-

милиі *Дорошенковою чаркою*, и не всякому гостю доводилась честь держать его въ рукахъ. Вышеі, храбрый рыцарь, и будь здоровъ... Да какъ и не быть здоровымъ, отъ такого напитка, который, какъ ты и самъ знаешь,—

Лютымъ не кисне,
Зимомъ не мерзаетъ,
Передъ обледомъ не сгнать,
Послѣ обода потужить!

Щербина снялъ шапку, взялъ дорогой корякъ съ благоговѣніемъ, поднялъ его надъ головою и, возвыся голосъ, сказалъ съ торжественною разстановкою:

—За здоровье твое, пане отамане! и твоихъ бвлорукихъ дочекъ! и твоей храброй челяди! А также за упокой души великаго гетмана Петра Дорошенка! Да будетъ ему вѣчная память на землѣ, а царство на небѣ, хоть онъ и не всегда ладилъ съ Запорожцами.

—Или лучше скажи—Запорожцы не всегда съ нами ладили, замѣтилъ панъ Бар-

дакъ:—А когдабъ ладили, имя Дорошенка гремѣло бъ во всемъ свѣтѣ, какъ и имя стараго Хмельницкаго, да и Запорожцевъ не называли бъ разбойниками.

Но Щербина, вмѣсто всякаго возраженія на политическую выходку своего хозяина, осушилъ *Дорошенкову чарку*, не отвоя коряка отъ губъ ²², и потомъ, возвращая се хозяину, сказалъ:

—Уже жъ, пане отамане, прошу не дѣлать такой чести мовимъ товарищамъ, а-то мнѣ придется покпнуть ихъ гдѣ-нибудь на дорогѣ. Потчивай ихъ Бардаковою, а не *Дорошенковою*, чаркою.

Хозяинъ сперва и слышать объ этомъ не хотѣлъ, но, видя, что Запорожець снова взялся за саблю, и боясь, чтобъ онъ, разгоряченный наливкою, не перекалѣчилъ его челяди, принужденъ былъ уступить.

Заставя Михайла и его товарища выпить по большому кубку наливки, онъ велѣлъ наполнить ихъ торока разною прови-

зией, а Запорожцу за сѣдломъ прпязати бочонокъ наливки; потомъ перецѣловался со всѣми или дружески и просилъ не мшновать его дома, когда будутъ ѣзати обратно.

—Скорѣй пьяница мшпетъ шпнокъ, а гайдамака богатаго жидъ, чѣмъ мы твой дворъ, отвѣчалъ Щербина:—Будь пѣвншй, паве отамане. Заѣдемъ, коли мшмъ голови не отхуситъ, да еще, можеть-быть, у тебѣ жъ и бѣлоручку подцѣпимъ. Оставайся здоровъ! Много благодарствуемъ за хлѣбъ, за соль и за угощеніе! А ну, нанове-молодцы, гайда въ дорогу!

И, поворота своего коня, онъ поскакалъ быстрою рысью въ сопровожденіи своей команды.

Таковы были понятія о гостепршмствѣ въ Украинѣ за восемьдесятъ лѣтъ назадъ, когда еще Малороссія вообще представляла смѣсь патриархальнаго добродушія и вопшской суровости нравовъ, когда пограничныя украинскіе пацы, недавно оставленныя въ покоѣ Татарами, не отвыкли еще вла-

дѣть оружіемъ и рады были всякому случаю удовлетворить жаръ своего безпокойнаго сердца, для котораго не было уже ни Ляховъ, ни Татарвы, ни отчаянныхъ партій, раздиравшихъ Малороссію отъ смерти Богдана Хмельницкаго до гетманства Самойловича, и которое Россія, привлекиши къ себѣ братскимъ сродствомъ, начинала уже мало-помалу укрощать своими европейскими мѣрами.

Въ Гетманщщнѣ въ это время было уже тихо и смирно, какъ на кладбищѣ. Глуховской *Трибуналъ* могъ править даже сквозь сонъ этою прежде бурною стороною. Паны малороссійскіе полюбили лучше звучать кубками да серебряными подковами своихъ сафьянныхъ сапоговъ, чѣмъ оружіемъ; и самъ гетманъ малороссійскій, граць Разумовскій, жилъ большею частію въ Петербургѣ; но титуло гетмана доставляло ему сто-тысячъ серебряныхъ рублей годоваго доходу *.

Только Запорожская Сѣчь со своими многочисленными луговыми колоніями да

слободско-украинскія поселенія, состоявшія на особыхъ правахъ и неподвластныхъ даже гетману, — представляли еще что-то похожее на прежнюю «Великую Украину обѣихъ сторонъ Днѣпра», если не положеніемъ дѣлъ, по крайней мѣрѣ кипучестью характеромъ и частыми схватками, въ которыхъ никому не давали отчету. Въ Запорожьѣ судъ и расправа зависѣли отъ кошевого и войсковой рады ²², а въ Украинѣ, то есть въ слободско-украинскихъ поселеніяхъ, каждый помѣщикъ, имѣвшій подъ своею защитою (подобно иностраннымъ феодаламъ) большее или меньшее число поселенцевъ, называемыхъ обыкновенно *подданными* (ибо крестьянство введено въ Малороссію только съ 1764 года ²³, а до того времени всякой селянинъ могъ *поддаваться* любому пану на условіяхъ), — былъ самъ себѣ господиномъ, не признавалъ ничего суда и готовъ былъ оружіемъ отражать самихъ полковниковъ, которымъ всѣ слободы были подвѣдомственны только титулярно, а въ самомъ дѣлѣ полковники судили только средній и низшій классъ народа, распоряжались только козацкими землями и боялись затѣвать

ссору съ могущественными и самовластными феодалами или доносить объ ихъ самоуправствахъ и взаимныхъ схваткахъ Царю, будучи въ свою очередь, въ отношеніи къ своимъ подданнымъ, подчиненнымъ и мѣлкимъ сосѣдамъ, такими же, какъ и они, деспотами, не желая вводить русской расправы въ свои земли и тѣмъ поддержать еще хоть на нѣкоторое время тѣнь прежней независимости, готовой исчезнуть навсегда невозвратно.

пылыми радостями и забывчивыми восторгами.

ГЛАВА XVII.

Глубокая тоска омадѣла снова Михайломъ. Зловѣщій сонъ, мучившій его ночью, и подозрительныя слова двухъ незнакомецъ, подслушанныя имъ наканунѣ, возбуждали въ немъ самыя мрачныя мысли и опасенія. Неуспокоенная твердою увѣренностію совѣсть представила ему цѣлый рядъ упрековъ, одинъ другаго горьче, и повергла его въ то безотрадное отчаяніе, которое въ молодомъ сердцѣ лежитъ о бокъ съ

Разбирая въ своемъ умѣ ночныя грезы и толкуя ихъ подѣ вліаніемъ раскаянія и тоски, онъ составилъ себѣ самое грозное пророчество о своей будущности, которая утратила на этотъ разъ для его воображенія тотъ опасный блескъ, который привлекаетъ къ себѣ молодыхъ мечтателей, какъ огонь мотылька, и представилась ему туманнымъ моремъ, скрывающимъ острые камни подѣ обманчивыми волнами, наполненнымъ страшными чудовищами и готовымъ унести его на край свѣта, межъ чуждые народы, откуда онъ уже никогда не возвратится на родину.

Его душа, неприготовленная ни воспитаніемъ, ни обстоятельствами жизни къ неизмѣнному выполненію предпріятій и къ спокойной встрѣчѣ всѣхъ бѣдствій и опасностей, вдругъ, при первомъ увѣрованіи въ пророчество невзгоды, потеряла весь свой огонь, сдѣлалась болышею и не на-

ходила въ себя силы для поддержанія ослабшей бодрости.

Что ждетъ его теперь? Что это за таинственные незнакомцы? Что значить этотъ вѣщій сонъ? Что значать эти смутныя предчувствія, волнующія его душу? Уже ли въ самомъ дѣлѣ ему назначено погибнуть на чужбинѣ? Уже ли пророчество огорченного отца исполнится надъ нимъ въ полной мѣрѣ?

Склонясь надъ гривой своего коня и погруженный въ эти размышленія, Михайло ѣхалъ подлѣ Запорожца, не слыша веселаго его говора, которому много помогла вышняя имъ *Дорошенкова чарка*.

—Что это, братьцы, мы тарабаримъ, а не запоемъ пѣсни, какъ подобаеть храбрымъ лыцарямъ? говорилъ Запорожець:—Правда, у васъ на Гетманщинѣ всѣ козацкія пѣсни перемѣшались съ бабскими, такъ что не выберешь, что и запѣть бы намъ вмѣстѣ. Разъ про Иваса Коновченая, которую такъ любить панъ Бердакъ. А ну, помогайте, хлопѣта.

И онъ затапулъ своимъ громкимъ и мужественнымъ голосомъ, образовавшимся подъ вой степнаго вѣтра и рогъ маломъ Чернаго моря:

.....
 То не вихорь по Чернѣи-долинѣ гуляе,
 Не сизый орелъ астрѣбды гаяе,
 Вдовиченко Коновченко на воронѣи коня развѣяе,
 Мечемъ своимъ ажъ блѣскама слае,
 Трѣхъ Татаръ-лицарѣвъ зъ нѣней збѣяе.
 Тогда шабле булату опустяе,
 Козакѣмъ лицарство свое выхваляе,
 Безмѣче по долинѣ развѣяе,
 Бусурманѣвъ на силахъ подѣяе.

То безбожнѣ бусурманѣ тое зачували,
 Наилбого козакѣ зарезъ подѣявали,
 Бѣльше ёму поля гуляти попускали,
 Оды табура козацкаго зѣразъ отбивали,
 Гилеомъ Божѣимъ саранчою на козакѣ налѣтали,
 Шаблями, пистѣлами смертнѣи рани даровали,
 Тѣлько поля козацкаго не подѣяли.

То добрый вѣвъ до табура прибѣгае,
 По куреняи гуляе, гострѣими конятами земля копае,
 Скутно ржучи, козакѣ своего выхваляе.
 .....
 .....

То козакѣ тое зачували, на долмау наиспорѣше по-
 сѣтили,
 Бусурманѣвъ одъ тала козацкаго отбивали,

Шабляни, вадляки суходіть ковали,
 Михайлю Конопчику погину писмали,
 Въ сѣти пѣвадй пинціай гречали,
 У сурѣнки жалюбно выгравали,
 Слану козацьку выхваляли.

.....
 .....

Поляга козацька молодцька голова,
 Лягъ одъ вѣтру на степу трава;
 Слани не вѣре, не поляже,
 Амѣрство козацьке всякому розкаже.

Еще козаки не окончили пѣспп, какъ-вдругъ, на перекрестѣ дороги, пересѣкающей лѣсовъ, которыми они ѣхали, мелькнули невдалекѣ передъ ними два всадника въ красныхъ жупанахъ и въ то жъ мгновение ироняли за деревьями.

Путникамъ нашимъ не трудно было узнать въ нихъ тѣхъ самыхъ незнакомецъ, которыхъ встрѣтили они у пана Бардака, и Михайло такъ былъ пораженъ этимъ нечаяннымъ явленіемъ, что не могъ выговорить ни слова и только испустилъ отрывистое восклицаніе.

—Что за нечистая сила носитьъ этихъ

людей! сказалъ Запорожець:—Вчера не хотѣли ночевать у пана Бардака, а теперь блуждаютъ по окопцамъ. Или имъ заморочило память, такъ что они сблизы съ дороги, или они какіе-нибудь ватажники? Однакожъ по ихъ наряду и ухваткамъ я вижу, что они не изъ Запорожья.

Но когда Михайло сообщилъ ему свое наблюденіе, Щербина призадумался и, послѣ нѣсколькихъ минутъ глубокаго размышленія, сказалъ только одно значительное малороссійское:

—Э!...

Потомъ помолчалъ еще немного и прибавилъ:

—Впрочемъ, паново-молодцы, все это пустяки. Пока Щербина съ вами, не бойтесь и самаго чорта. Старого волка не такъ-то легко заманить въ сѣти. Поѣдемъ лишь скорѣе.

Чтобъ обмануть своихъ таинственныхъ

преслѣдователей, Запорожецъ уклонился нѣсколько верстъ влѣво отъ прямого пути и до самаго вечера велъ своихъ спутниковъ глухими тропиками, едва пробитыми конскимъ копытомъ, по дикимъ лѣсамъ и байракамъ, гдѣ они во всю дорогу не встрѣтили ни одного живаго существа.

Къ вечеру выѣхали они снова на ѣзжальную дорогу, которая однакожь шла не къ югозападу, гдѣ лежитъ Гадячь, а прямо къ востоку, черезъ густой лѣсъ, который простирается по теченію Ворсклы верстъ на сто и на правой сторонѣ ея назывался тогда *Барминимъ лѣсомъ*, а на лѣвой *Ломичкиимъ боромъ*.

Но не смотря на противоположность пути, казаки слѣдовали за своимъ вожатымъ съ полной увѣренностію, что онъ выведетъ ихъ на прямой путь, и скоро достигли береговъ одного изъ потоковъ Ворсклы, быстро стремящихся по западному склону длинной гряды возвышенностей, идущахъ съ сѣвера на югъ и дающихъ начало рѣкамъ—съ одной стороны: Сѣверному Дону

и Удамъ, а съ другой: Псаду, Ворсклѣ, Мерлѣ, Орелю и Самарѣ.

Этотъ потокъ, укрытый холодною тѣною древнихъ дубовъ, шумѣлъ глубоко въ темномъ своемъ жолобѣ и дополнял угрюмую картину лѣса, качавшаго тяжелыми вершинами подъ дыханіемъ вечерняго вѣтра. Крутые и высокіе берега его, покрытые орѣшникомъ, не представляли никакой возможности къ переправѣ, еслибъ не было черезъ него мосту, грубо сдѣланнаго изъ сосновыхъ бревенъ.

Но едва только казаки достигли средины этого мосту, какъ-вдругъ услышали впереди и позади себя свистъ и въ одно мгновеніе ока были окружены множествомъ вооруженныхъ всадниковъ.

При багровомъ свѣтѣ заходящаго солнца, пропикавшаго сквозь густыя вѣтви деревь, они примѣтили въ этой толпѣ двухъ незнакомцевъ, въ красныхъ жупанахъ, и первымъ ихъ движеніемъ было выхватить свои сабли и стать въ оборонительную позицію.

—Стой! не защищайся! кричали изъ толпы:—Бросьте сабли и отдайтесь въ руки по доброй волѣ!

—Какъ! вскричалъ Щербина:—Чтобъ Сичовикъ бросилъ саблю и отдался въ руки первому встрѣчному гольятакъ?... Чортъ поберн ваши души, если мы не поднесемъ вамъ такого табаку, отъ котораго вы будете чихать и въ пѣкль! Руби ихъ, хлопцы, запорожски!

Но прежде чѣмъ онъ успѣлъ скомандовать, козакъ Сергеда былъ уже схваченъ сзади спланными руками, а Михайло рздѣленъ отъ Запорожца нѣсколькими всадниками.

Не размышляя, на какой конецъ, Запороженскъ сражался храбро, изъ одной охоты подраться, и отражалъ сынавшіеся на него удары съ удивительнымъ искусствомъ. Сердце его спокойно: онъ не чувствовалъ ни страха, ни злости; онъ забавлялся своею сѣчею.

Но по мѣрѣ упорнаго его сопротивленія,

ожосточеніе противниковъ, желавшихъ, по видимому, забрать ихъ живьемъ,—возрастало, и скоро онъ почувствовалъ на плечѣ своею горячую рину, которая тотчасъ ослабила быстроту и силу его руки.

Щербина увидѣлъ тогда, что ему осталось уже недолго защищаться, и неприятность быть взяту въ плѣнъ теперь только представилась его воображенію въ полной мѣрѣ. Вскрикнувъ съ досады на свою безспіе и схватя саблю въ обѣ руки, онъ принялся размахивать ею направо и налево; но бесполезною своею запальчивостью доставлялъ только своимъ противникамъ случай себя обезоружить.

Между-тѣмъ Михайло, котораго раскаяніе и тоска довели наконецъ до безумнаго отчаянья, встрѣтилъ эту неожиданную опасность съ нѣкоторою радостью. Не слушая никакихъ предложеній и убѣжденій о сдачѣ, онъ рубился съ совершеннымъ забвеніемъ о жизни и, казалось, рѣшился не пробуждаться болѣе отъ этого забвенія. Напрасны были всѣ успія неприятелей схватить его.

Онъ былъ ужасенъ въ своемъ изступленіи, и его тяжкіе удары, сопровождаемые дикимъ крикомъ, были неотразимы.

Запорожецъ, лишенный уже оружія, забывъ о своемъ положеніи, глядя на изступленного юношу, который въ грозномъ своемъ нествѣствѣ, съ разъяренными взорами, съ длиннымъ мечомъ въ рукѣ, сверкающемъ какъ молнія, и окруженный одигою толпою непріятелей, скорѣй казался могучимъ геіемъ этой шумной пропасти, чѣмъ существомъ, подверженнымъ смерти.

Противники не могли окружить его совершенно, потому что онъ примыкалъ тыломъ къ периламъ мосту. Но эта самая защита обратилась въ причину его гибели. При сильномъ напорѣ коня, который отъ полученнаго въ голову удара подался вдругъ назадъ, перилы лопнули, и Михайло, съ поднятой вверхъ саблею, полетѣлъ съ высоты мосту въ темную пропасть, на днѣ которой шумѣлъ быстрый потокъ.

Запорожецъ вскрикнулъ и всплеснулъ руками. Цѣлая толпа отъ ужаса попятилась назадъ и на минуту осталась неподвжимою.

Внизу послышался глухой гулъ паденія, сопровождаемый протяжнымъ стономъ, и потомъ все слилось въ однообразный шумъ потока.

— Проклятые антихристы! вскричалъ Щербина:—лучше бъ сатана забралъ всѣхъ насъ разомъ, чѣмъ вы сгубили такого храбраго козака!... Что вы за люди или за черти, и чего вы отъ насъ хотите?

— Узнаешь, отвѣчалъ грубо одинъ изъ красныхъ жупановъ.

И вся кавалькада двинулась впередъ, похитивъ своихъ плѣнниковъ въ центрѣ.

Послѣ такой внезапной и страшной гибели Михайла, другія главнѣйшія дѣйствующія лица этой исторіи должны занимать насъ сильнѣе, чѣмъ Запорожецъ, тѣмъ болѣе, что онъ и самъ такъ мало заботит-

ся о своей участи. И потому, оставя на нѣкоторое время нераспутанною загадку, что за люди овладѣли нашими вѣтязями, мы возвратимся къ милой Катеринѣ и ея почтенной тетушкѣ.

ГЛАВА XVIII.

Не смотря на все усердіе тетушки Татьяны Ивановны и ея стараніе доставить милой гостьѣ въ своемъ дому всѣ возможные удовольствія, Катерина была такъ печальна, что даже не могла скрыть своей тоски отъ вовсе непроницательныхъ глазъ ея.

Тетушка Татьяна Ивановна испугалась, увидя на другой день необычайную блѣдность и распухшія отъ слезъ очи Катери-

ны, и показала столько нѣжнаго къ ней участія, что Катерина призналась ей откровенно въ причину своей грусти.

—Эхъ, дитя мое! сказала тетушка Татьяна Ивановна, выслушавъ ея сердечную исповѣдь:—нашла жъ и ты, о чемъ тосковать! Я думала—тамъ Богъ знаетъ какія дѣла случились, а она подняла плачь, и за кѣмъ же? за какимъ нибудь сотниченкомъ! Да этакъ я не плакала, когда дочка протопопа Блаженнаго, лѣтъ тридцать тому назадъ, отбила у меня жениха—буучуковаго товарища! Ну такъ! есть за чѣмъ убиваться! Да ты, моя перепелочка, лучше стань передъ иконами да перекрестись пять разъ, чтобъ Богъ развязалъ тебя съ нимъ. Вѣдь ты, слава Богу, у насъ во всемъ полку ^{то} чуть ли не первая невѣста. Тебѣ найдутся такіе дукачи, что посмотрѣтъ любо. Охъ, дитя мое! то-то молодой розумъ! И я поспѣшила за своего Степана Степановича, якъ *съ козами на торгъ*. Я думала, что онъ полковникомъ будетъ, а онъ,—царство ему небесное, конечно это не его вина,—заболѣлъ и оставилъ меня асаудилою!

Постой лишь, Катя, я пришлю тебѣ жениха истакого: и богатаго, и чиновнаго, и чело-вѣка поосаишество, чѣмъ твои Михайло Чарышнѣнко.

И, въ полной увѣренности, что утѣшила Катерину своею проповѣдью, Татьяна Ивановна побѣжала на кухню, чтобъ поощрить своихъ кухарокъ къ большой дѣятельности.

Катерина увидѣла, но уже поздно, свою ошибку и рѣшилась терпѣливо ждать возврата своего отца, чтобъ забавиться скорѣе отъ усердныхъ наставленій тетушки, которая безъ умыслу терзала ей душу своими увѣреніями, что Михайло не стѣнѣтъ добраго слова. Однакожъ прошло еще два дня, а полковой судья не возвращался.

На четвертый день Катерина просила Татьяну Ивановну отвезти ее въ Гамалѣвскіи монастырь; но Татьяна Ивановна, вѣроятно, желая продлить удовольствіе имѣть у себя въ домѣ любимую свою племянницу, отклонила ея просьбу общаніемъ послать нарочнаго для разузнанія, гдѣ именно на-

одается теперь судья, въ Гамалѣвкѣ, или въ Воронѣжѣ.

Пока отыскала она между своими работниками челоѣка, способнаго къ этому важному посылству, пока снарядила и выпродала его въ путь, прошло еще одни сутки. А посылъ, видно, воспользовавшись этимъ случаемъ, чтобъ навѣстить всѣхъ своихъ сватовъ, братьевъ и кумовьевъ, жившихъ въ Воронѣжѣ, замедлялъ около трехъ дней и, воротясь наконецъ пьяный, облизывая сквозь сонъ, лежа на своей повозкѣ, орую конь самъ, зная дорогу, привезъ хутора, что судья вѣтъ на въ Гамалѣвкѣ, или въ Воронѣжѣ.

Любовка Катерины была невыразима. Она сила свою тетюшку тотчасъ отвезть ее Глуховъ. Но у Тетяны Ивановны коницы и упряжь никогда не были въ такомъ состояніи, чтобъ можно было възвѣзти на издумается. Обыкновенно, если предѣлось путешествовать въ ближнее село, приносилъ о починкѣ повозки и сбруя давали за три напередъ. Если жъ иногда

тетюшка Тетяна Ивановна предпринимала поѣхать какой-нибудь изъ отдаленныхъ монастырей, то еще съ самаго начала везены нѣсколько искуснѣйшихъ художниковъ, называвшихся какими-нибудь Дорощами, Казюками, Евтухами и тому подобное, освобождались отъ полевой работы и получали самыя строгія приказанія и точныя инструкціи о снаряженіи ковчега и всѣхъ его принадлежностей; и не раньше тетюшка Тетяна Ивановна выступала, съ великимъ шумомъ, скрипнѣемъ и крикомъ, въ походъ, какъ черезъ два мѣсяца, а иногда и больше, послѣ своихъ приказаній и инструкцій.

Этотъ любезный обычай (замѣчу мимоходомъ) сохранился и до нашихъ временъ у малороссійскихъ пановъ во всей своей патриархальной чистотѣ и цѣлости.

Итакъ Катерина должна была еще на нѣсколько дней отложить освобожденіе свое изъ плѣну. Но одно непредвидѣнное обстоятельство вдругъ доставило прежнее спокойствіе засуетившимся было уже около древней плетеной брччи неповоротливымъ

извычайно глубокомысленнымъ худож-
мъ—Дорошамъ, Казюкамъ и Бутухамъ,
ковало тетушку Тетяну Ивановну и по-
ю Катерину еще въ большую горестъ.

Ботникъ, посланный для развѣданія
малѣнку и въ Воронѣжъ, проснувшись
утрою день и будучи призвавъ предъ
ую Тетяну Ивановну и выдранъ ею
прину, объявилъ, что онъ узналъ въ
ѣжѣ, отъ сотеннаго отамана, что пол-
судья отправился въ Гадячъ за Ми-
мъ Чарнышенкомъ, а пана отамана
гъ уведомить Катерину, чтобъ она
лась у тетушки Тетяны Ивановны
возвращенія. Потомъ, на распросы
панів, прибавилъ еще, что панъ ота-
послалъ отъ себя въ тотъ же день
аго съ извѣстіемъ въ хуторъ къ Те-
Ивановнѣ; но тотъ нарочный тоже за-
разсудилъ заняться сперва своими
и, зашедши въ шинокъ, въ двуть
гъ отъ хутора Тетяны Ивановны,
вовагъ тамъ три дня; а когда нако-
ыгъ привезенъ другамъ козакомъ до-
на вопросъ своего пана, извѣстилъ

ли онъ Тетяну Ивановну? отвѣчалъ «из-
вѣстилъ». А потому панъ отаманъ и не
заботился уже объ этомъ до прибытія къ
нему хуторскаго посланца.

—А меня тожъ сатана подвелъ на иску-
шеніе, продолжалъ вѣрный посолъ Тетяны
Ивановны:—Вду изъ Воронѣжа въ хуторъ;
смотрю, какой-то человекъ остановился па-
рою воловъ около того шинку.... Можетъ,
и твоя панская милость знаетъ его...

Видишь ты, бурлака! прервала его Тетяна
Ивановна:—ты думаешь, проклятый пья-
ница, что всякому такъ въ память всѣ шин-
ки, какъ тебѣ! Ну, что жъ ты съ тѣмъ
человѣкомъ?

—Такъ отъ же, я жъ кажу твоей мило-
сти,—остановился человекъ подлѣ самаго
таки шинка. Э, думаю я себѣ, да это жъ
знакомый; это, коли не брѣшутъ мои очи,
чумакъ Потѣмца! Здоровъ!—«Здоровъ!»
Слово за слово, и пошли въ шинокъ. Ну,
думалось же сперва, чтобъ по одной, да й
годя; а послѣ такъ нахлоукались, що вже

не знаю, якъ и на вѣкъ звалися.

Тетяна Ивановна такъ была довольна лестною довѣренностью полковаго судьи, что вмѣсто наказанія за пьянство, поднесла своему послу чарку перначовки, которая для него на похмѣлье была пріятнѣе всего на свѣтѣ.

—Эхъ, панн ты наша милосердная! воскликнулъ обрадованный посолъ:—нѣтъ во всемъ свѣтѣ такой панн, якъ у насъ!

—Была бъ я еще не такою, сказала Тетяна Ивановна, тяжело вздохнувши:—когдабъ мой Степанъ Степановичъ не умеръ съ чиномъ только сотсинаго осаула. Что жъ дѣлать? Богу угодно было положить предѣлъ, его же не преидешь! Ну, ступай же себя, Архипъ, да смотри, впередъ не пьянствуй, а-то, ей Богу, сама такъ полатаю тебя канчукомъ спяну, що и не стѣмишься!

—Да нѣ, панн, говорилъ, уходя, Архипъ: да вже видано, щобъ я да пьянствовать?

Вечеру того же дня явилась къ Тетянѣ Ивановнѣ какая-то старуха, покрытая вся чернымъ плащомъ, такъ что нельзя было рассмотреть ея лица; по одному только сгорбленному стану и дрожащему голосу можно было видѣть, что она старуха. Тетяна Ивановна сперва немного испугалась, когда она попросила ее въ особую комнату, гдѣ бы никого не было, но ободрясь и увлекаемая любопытствомъ, согласилась на ея просьбу.

Около часу просидѣли онѣ запершись въ пустой комнатѣ, и когда вышли, лицо Тетяны Ивановны сіяло радостью, а старуха тотъ же часъ скрылась.

—Вотъ, Катя, какъ Богъ иногда посылаетъ радость бѣднымъ сиротамъ и скорбящимъ душамъ! сказала она своей гостьѣ, оглядѣвшись вокругъ съ таинственнымъ видомъ:—Знаешь, что это за баба у меня была? Это волошка-цыганка, ворожея пренескусная, которой извѣстно все, гдѣ что творится на свѣтѣ. Она мнѣ сказала, что мой двоюродный братъ, который ограбилъ

меня бѣдную вдову, лежить нездоровъ и черезъ двѣ недѣли,—только уже, Катя, ты этого никому не говори,—и черезъ двѣ недѣли умереть непременно, а все его имѣніе достанется по наследству мнѣ. Тогда-то мы себя покажемъ передъ этими чиновными людьми, которые теперь не хотятъ и глядѣть на бѣдную полковую асаулиху! Но постой, еще не все, милая моя перепелочка. У меня есть теперь про запасъ такая цапа, которая забавитъ тебя лучше всякой куклы, и ты станешь смѣяться и прыгать, какъ дикая козка! Слушай только. Я вижу, что это воровка знающая, да и думаю себя: дамъ уже ей лишній пятакъ, да пусть заморозитъ, какой будетъ женихъ для моей перепелочки? Что жъ бы ты думала, Катя? кто бъ могъ и ожидать? Заморозила и говорить, какъ съ книжки читаетъ: «Завтра передъ вечеромъ прїѣдетъ женихъ богатый, дородный, сановитый». А я не утерпѣла такъ да и говорю: А чиномъ, говорю, какъ высокъ?—А она и говоритъ,—ой Богу жъ правда!—такъ такъ и говорить: «А чиномъ, говоритъ, выше полковника». Вотъ тебѣ и на! подумала я, (признаюсь

тебѣ): тетушка сотенная асаульша, а племянница...

Но тутъ она остановилась. Катерина поблѣднѣла вдругъ и опустила безъ чувствъ къ ней на руки.

—Боже мой! дитя мое, Катя! кричала испугавшись Татьяна Ивановна:—Что это съ тобою сдѣлалось, моя перепелочка?

Но видя, что ей крики не пробуждаютъ Катерины, положила ее на постель, а сама отправилась искать слянички со сиропомъ.

—Вотъ что значитъ старинное правило, говорила она, давая ей нюхать спиртъ:—все черезъ мѣру худо. На что дѣвчонкѣ такого знатнаго жениха! Она съ ума сойдетъ пока успѣетъ обвѣнчаться. Я, слава Богу, не ея была, когда выходила замужъ,—мнѣ было лѣтъ подѣ тридцать, да и тутъ не слишкомъ знатной особы дождалась въ жениха; а-то двѣсти только семнадцатый годъ, а женихъ хоть для гетманской дочки!

На всѣ усердныя убѣжденія Тетяны Ивановны, которыя она дѣлала своей племянницѣ,—не предаваться слишкомъ большой радости (добрая женщина въ самомъ дѣлѣ боялась, чтобъ дѣвушка не помѣшалась до свадьбы), Катерина отвѣчала ненарушимымъ молчаніемъ и объявила, что она чувствуетъ себя нездоровою и хотѣла бы быть одна.

—Боже тебя сохрани, Катя! возразила Тетяна Ивановна:—какъ можно оставить тебя одной? Я худо бы уважала санъ твоего батюшки и мало любила бы тебя, если бы оставила тебя одну въ такомъ расположеніи. Успокойся, забудь навремя о своемъ женихѣ. Не чувствуешь ли ты жару въ головѣ? Я приложу тебѣ къ вискамъ лѣду.

Катерина, отклоня съ трудомъ это предложеніе, рѣшилась въ молчаніи свести немолкающей говоръ радостной Тетяны Ивановны и чрезъ нѣсколько минутъ, зажмури глаза, притворилась крѣпко уснушею.

—Слава Богу! сказала тогда усердная Тетяна Ивановна:—Это ее успокоитъ.

И отправилась дѣлать распоряженія къ исполненію обѣщаннаго воровкой гостя.

На другой день Катерина не выходила изъ своей спальни и говорила, что очень больна. Тетушка была неутѣшна.

Передъ вечеромъ дѣйствительно явился обѣщанный женихъ, на дорогомъ конѣ, въ пыльномъ нарядѣ, въ сопровожденіи двухъ слугъ, изъ которыхъ одинъ былъ одѣтъ позанорожски.

Тетушка Тетяна Ивановна приняла его съ подобающими почестями.

—Встань, Катя! сказала она, вѣбжавши потомъ къ Катеринѣ:—пріѣхалъ женихъ!

—Не хочу я его видѣть, отвѣчала Катерина, отворотясь къ стѣнѣ.

—Какъ, дура! вскричала тетушка, вы-

ходи изъ себя:—Какъ ты не хочешь его видѣть? Да знаешь ли ты, сумасшедшая, кто твой женихъ? Это первый на всю Гетманщину богатъ Крыжановскій, котораго Царь пожаловалъ Бригадиромъ!

—Пропади онъ со своимъ богатствомъ и чинами! сказала Катерина:—Я не хочу его видѣть! Я умру отъ одного его взгляда!

—Боже мой! отчаянно вскрикнула Татьяна Ивановна:—она въ самомъ дѣлѣ помѣшалась! О, глупая жъ я голова! Зачѣмъ было не приложить ей льду къ вискамъ!

При всей однакожъ своей горести, Татьяна Ивановна собралась кое-какъ съ духомъ и, воротясь къ гостю, старалась занять его пріятною бесѣдою, распрашивая у него про его знакомства и сношенія съ петербургскими вельможами и рассказывая ему въ замѣну разныхъ старинныхъ преданій о блескѣ гетманскихъ дворовъ и о роскоши прежнихъ малороссійскихъ богачей. А молду-тѣмъ она обдумывала, какъ помочь

своему горю и за какою бабкою послать для скорого излѣченія Катерины отъ сумасшествія. Крыжановскому жъ объявила, что племянница ея немного нездорова, но что къ завтрашнему дню она надѣется доставить ей честь видѣть знаменитаго гостя.

—Этакіе припадки, знаете, бываютъ съ дѣвушками до замужества, прибавила она съ особеннаго рода улыбкою:— Я сама когда была въ дѣвушкахъ, то, бывало, Богъ знаетъ съ чего, вдругъ поблѣднѣешь; какое-то томленіе въ груди, жаръ какой-то и виѣсть дрожь. А какъ вышла замужъ, все, слава Богу, благополучно миновалось.

Крыжановскій усмѣхнулся на эту простодушную откровенность и началъ рассказывать ей о томъ, какъ онъ познакомился съ полковымъ судьей, котораго уважалъ, говорить онъ, съ давнихъ временъ за славные подвиги его дѣда,—какъ бывалъ онъ у него въ домѣ, какъ его радушно принимали, какъ судья увѣрялъ его въ своей дружбѣ

и заставляя Катерину потчивать гостя изъ своихъ рукъ.

Тетушка Татьяна Ивановна слушала все это съ великимъ удовольствіемъ и воображала, какую услугу оказала бы она судьѣ, еслибы не выпустила изъ рукъ этого «женнишка» и обѣщала молодыхъ! а свадьбу съиграли бы, думала она, по приѣздѣ самаго судьи.

На другой день въ комнатѣ Катерины, какъ бы волшебствомъ какимъ, явились зеркала, составившія въ тѣ времена, въ Малороссіи, предметъ роскоши; на столѣ лежали разные подарки дорогой цѣны, полъ устланъ былъ драгоценнымъ ковромъ, окна уставлены цвѣтами въ расписанныхъ богато вазахъ.

— Видишь, моя ты переполочко! видишь, мое ты дитя рѣдкое! кричала въ себя отъ радости Татьяна Ивановна:— все это женихъ для тебя велѣлъ привезти изъ Гадача! Да ты будешь царицею за нимъ! Смотри, какія серги, какія кольца на столѣ!

Но Катеринѣ всѣ эти драгоценности казались напичканными смертоноснымъ ядомъ. Она боялась прикоснуться къ нимъ, боялась даже глядѣть на нихъ, чтобъ печистыя чары Крыжановскаго не отуманили ей разсудка. Она вспомнила рассказы о томъ, что никакая женщина не можетъ противиться его исканіямъ и съ ужасомъ прижалась къ стѣнкѣ своей кровати. А чтобъ отвязаться какъ-нибудь отъ неутомной тетушки, притворилась опасно больною.

Крыжановскій, освѣдомясь объ этомъ, казался сильно встревоженнымъ, но въ самомъ дѣлѣ онъ понималъ недугъ Катерины совершенно иначе, чѣмъ хлопотливая тетушка.

Это подтвердилось тѣмъ, что, когда Татьяна Ивановна отлучилась на нѣсколько минутъ въ кухню, онъ безъ церемоніи вошелъ въ спальню Катерины и, подойдя къ ея постели, сказалъ ей рѣшительнымъ голосомъ:

— Слушай, милая Катя! Я знаю твои капризы, знаю также и то, что отец твой никогда бы не согласился по доброй воле выдать тебя за меня замужъ. Но я умѣю обуздывать непокорныхъ мнѣ такъ же ловко, какъ мой возница коня. То, что я тебѣ скажу теперь, есть истина. Другихъ женщинъ я губилъ для одного только удовольствія, а тебѣ я люблю, съ тобой я общаюсь. Значитъ, съ этой стороны ты можешь быть спокойна. А чтобъ уменьшить твое отвращеніе ко мнѣ и прибавить охоты готовиться къ вѣнцу, объявляю тебѣ, что твоей куклы—Михайла нѣтъ уже на свѣтѣ, а отецъ твой въ моихъ рукахъ, подъ карауломъ въ Гадячѣ. Его обвиняютъ въ убійствѣ Михайла, хотя конечно Михайлу твоему назначено пасть отъ другихъ рукъ. Какъ бы то ни было, но если ты хочешь спасти своего отца отъ суда и отвѣта, это въ твоей волѣ. Даю тебѣ этотъ день на размышленіе. Завтра мы что-нибудь иное придумаемъ. Но знай, что никто не спасетъ тебя отъ моихъ преслѣдованій. Пріятеля твоего отца станутъ моими пріятелями, и гдѣ ты будешь надѣяться найти

убѣжище, найдешь только западно.

Съ этимъ словомъ онъ повернулся и быстро вышелъ.

спнуть ей лучъ надежды, которая рѣдко оставляетъ человѣка.

Она съ нетерпѣніемъ ожидала ночи и, когда утѣрилась, что все въ домѣ уснуло, тихонько встала со своей постели, одѣлась наскоро при мѣсяцѣ, который наполнялъ всю ея спальню млочнымъ лампаднымъ свѣтомъ, оправилась и, если вѣрять преданію,—выходя изъ комнаты, не могла утерпѣть, чтобъ не изглянуть въ большое помурованное зеркало.

Знаю напередъ, какъ мнѣ достанется отъ коихъ пріятельницъ за эту послѣднюю фразу, предвижу грозу ужасную и отвѣчаю заблаговременно:— Милостивыя государыни! не смѣю зацѣплять справедливости этого преданія, не смѣю заглядывать въ тайные уголки вашего живаго сердца; но слыхалъ я не разъ отъ тѣхъ, которые больше моего терпѣсь межъ вами такъ называемымъ прекраснымъ поломъ, что хорошенькая женщина не можетъ забыть своихъ прелестей и въ самыя сворбныя минуты своей жизни, что даже стѣя падъ могилы мужа или ма-

ГЛАВА XIX.

Катерина нѣсколько минутъ осталась неподвижна на своей постели. Отъ страху она едва помнила, что говорилъ ей Крыжановскій. Но когда присутствіе духа къ ней возвратилось и она увидѣла всю великость своего несчастья, когда вообразила опасность своего отца и свою собственную, стремленію спасти его и себя было первымъ ея чувствомъ, и вслѣдъ за тѣмъ бле-

тери и ломая въ отчаяннѣи руки, она не переставала свою «интересную» позу и, посреди слезъ, стоновъ и воплей, не забывала о красотѣ своихъ изящныхъ ручекъ и розовыхъ пальчиковъ. Какъ бы то ни было, но что Катерина взглянула въ зеркало, въ этомъ преданіи увѣряетъ насъ положительно и прибавляетъ еще, что и она зеркаломъ и зеркало ею остались довольны.

Тихо, неслышными шагами, вышла она въ садъ и сѣвши къ задней калиткѣ, чтобы уйти черезъ нее въ поле.

Но едва только къ ней приблизилась, какъ услышала что-то храпѣнье. Тогда, всматриваясь пристально, она примѣтила скрытаго въ тѣни ограды козака, который спалъ сидя и прислонясь спиной къ калиткѣ. Голова его склонилась на грудь, правая рука опиралась на карабинъ.

— Это часовой Крыжановскаго, подумала со страхомъ Катерина и сѣвши удалилась.

Она подходила еще къ нѣсколькимъ выходамъ, но всѣ они были крѣпко заперты или охраняемы карауломъ.

Что дѣлать въ такомъ случаѣ? Вернуться въ домъ и ожидать, какъ жертва, рѣшенія своей участи отъ этого чудовища?

— Нѣтъ! сказала она мысленно:— скорѣй обинметъ меня смерть, чѣмъ ты! Чего мнѣ жаль оставлять съ жизнью? Михайла нѣтъ!

— Нѣтъ Михайла! повторила она тихимъ голосомъ, облокотясь на высокій рундукъ и склоня голову.

Но ни одна слеза не выкатилась еще у нея изъ глазъ послѣ вѣсти о его смерти. Увѣренность въ несчастіи какъ-будто оглушила ея чувства. Она понимала свое горе однимъ умомъ.

— А отецъ? думала она, приближаясь къ пруду черезъ дворъ, которому границею служила съ одной стороны, вмѣсто всякой ограды, вода:— А что жъ отецъ? Лучше

ему видѣть свою дочку въ могилѣ, чѣмъ во власти жиды, колдуны, грѣшники нераскаяннаго!

Съ этимъ словомъ она хотѣла броситься въ воду, но глаза ея вдругъ остановились на лодкѣ, которая стояла у берега. Катерина въ другое время никогда не согласилась бы вѣтриться и самому опытному гребцу, но въ эту минуту отчаянія она безъ всякой робости прыгнула въ лодку, схватила весло и, сильно уперши имъ въ берегъ, оттолкнула лодку на воду.

Она почувствовала необычайную радость, когда увидѣла, что этотъ ненавистный для нея берегъ, съ усердною тетушкою, ужаснымъ Крыжановскимъ и его спящимъ сторожемъ, удаляется отъ нея какъ бы какимъ волшебствомъ.

Но страхъ овладѣлъ ею снова, когда лодка, отплывъ далеко отъ берега силою перваго толчка, остановилась неподвижно на тихомъ зеркалѣ воды, въ которомъ рисовался опрокинутый хуторъ съ высокими

трубами и деревьями. Она не умѣла править весломъ.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ остоупенія, Катерина рѣшилась однакожь попробовать употребить это непонятное для нея орудіе. Каково жъ было ея смущеніе, когда лодка отъ движенія весла поворотилась носомъ къ непріязненному для нея берегу! Со страху гребнула она въ другой разъ, — лодка поворотилась опять и стала въ прежнемъ положеніи.

— Надо попробовать грести еще съ другой стороны, подумала Катерина, всё таки не теряя присутствія духа.

Попробовала. — лодка подвинулась впередъ, но при другомъ движеніи весла снова начала поворачивать къ хутору. Безъ умыслу Катерина перенесла въ пенугъ весло на другую сторону, и радость ея была неизреченна, когда она не только отворотила лодку отъ ужаснаго для нея берега, а еще подвинула ее и впередъ.

Тогда, постигнувъ механизмъ этой работы, она принялась усердно грести то съ правой, то съ лѣвой стороны, и хотя это было не по правиламъ рыбацкѣй навигаци, однакожъ для нея казалось на этотъ разъ искусствомъ волшебнымъ. Она почти не вѣрила сама себѣ, чтобъ это благотельное движеніе, по непріязненной для нея дотолѣ стихіи, происходило отъ ея физической силы, а не отъ какого-нибудь непостижимаго вліянія силы верховной.

И какъ божественна казалась тогда ей ночь! какъ хороши надводные, вышневые сады, облитые бѣлымъ свѣтомъ и повторенные въ водѣ! какъ живителенъ воздухъ въ удаленіи отъ этихъ ужасныхъ людей, которые такъ равнодушно ее мучили!

Прудъ, минуя хуторъ, поворачивалъ узкимъ заливомъ вправо и выходилъ въ открытое поле, на противоположномъ краю котораго видѣлись сады и церкви вориѣжскія. Катерина направилла туда свою лодку, но едва только обогнула кустъ водянаго верболосу, какъ лодка ея столкнулась

съ другою, въ которой сидѣлъ старый рыбакъ Тетяны Ивановны Прохоръ Божко.

Катерина чуть не вскрикнула отъ страха, видя всѣ свои подвѣги вдругъ уничтоженными этою встрѣчею; но страхъ самаго Божка не уступалъ ея испугу.

Старикъ съ ужасомъ положилъ свое весло и, крестясь большимъ крестомъ, противъ котораго не устоялъ бы и самъ Аптхривъ, говорилъ дрожащимъ голосомъ одно: *Господи... Господи!* и больше ничего.

Божко нѣсколько разъ видалъ Катерину прежде и даже говорилъ съ нею; но ея небрежный нарядъ, распустившіеся по плечамъ волосы, поразительная красота, увеличенная свѣтомъ мѣсяца и душевнымъ волненіемъ, а болѣе всего странная встрѣча въ полночь, на водѣ, превратили Катерину для суетнаго его воображенія—въ одну изъ водяныхъ богинь, про которыхъ въ народѣ ходитъ множество легендъ.

Непонятно, почему въ минуты опасности

въ самыхъ тупыхъ умахъ является иногда удивительная смѣлливость и въ самыхъ робкихъ сердцахъ необыкновенное присутствіе духа, которое послѣ тому жъ самому чловѣку кажется дѣйствіемъ сверхъестественнымъ. Катерина угадала причину пенюга Прохора Божка и на его вопросъ «кто ты?» огмѣчала важнымъ голосомъ:

—Имя мое: *Петяля*. Я стерегу рыбу, которая теперь веселится, и наказываю тѣхъ, кто осмѣливается безпокоить ихъ даже и въ праздники *!

—О, помилуй! не губи меня грѣшного! вскричалъ Прохоръ Божко, сложивъ на груди руки.

—Ступай своей дорожкой, сказала Катерина:—но если ты оглянешься назадъ или скажешь до семи дней, что меня видѣлъ, то не показывайся больше на водѣ.

Разминувшись такъ счастливо съ Божкомъ, Катерина достигаетъ берега. Тутъ усталость заставила ее отдохнуть нѣсколько

мигнута, хотя теперь каждое мгновеніе было для нея дорого.

Опасаясь погони, она рѣшилась идти къ Воронѣжу глухимъ полемъ, не боясь встрѣтиться съ дикими звѣрями, ибо послѣ жестокосердія людскаго дикіе звѣри потеряли для нея свое значеніе.

Путь ея былъ затруднителенъ. Она припуждена была во многихъ мѣстахъ спускаться въ балраки и подыматься вверхъ по крутому берегу, продираться сквозь густую чагарники и иногда переходить въ бродъ холодные ручьи. Наконецъ, послѣ долгихъ усилій, она достигла Воронѣжа.

Небо начинало уже багровѣть на востокѣ, когда она подошла къ воротамъ воронѣжской крѣпости. Тутъ караульный козакъ, видя ея странныя движенія, блуждающія очи и разорванное терновникомъ платье, остановилъ ее вопросомъ: кто она и зачѣмъ въ такое время входить въ крѣпость?

Катерина сказала передъ нимъ свои бѣ-

лыя руки и умоляющимъ голосомъ сказала:

—На что тебѣ мое имя? Взгляни только на меня: я несчастная. Пропусти меня въ крѣпость. Дикіе збѣри меня не остановили; неужели ты будешь жестоко ихъ?

Пораженный воодушевленною мольбою Катерины и непреодолимою силою ея взоровъ, козакъ не нашелся, что ей сказать, и она скользнула мимо него, какъ тѣнь.

Читатель конечно уже догадался, куда направляла Катерина торопливые шаги свои. Она не знала вѣрнѣйшаго пріятеля отцу своему, какъ сотникъ Чарышъ. Она не сомнѣвалась, что онъ не пожалеетъ пожертвовать всѣмъ своимъ имѣніемъ для спасенія друга, и, не зная вовсе положенія дѣлъ его, спѣшила сообщить ему печальное извѣстіе.

Ее очень удивили безпорядокъ и разореніе, въ какихъ нашла она его жилище. Ворота были отворены попрежнему; на дворѣ валялось еще нѣсколько стульевъ и

столовъ; домъ, до половины уничтоженный пожаромъ, стоялъ печальною развалиною.

Не смотря на раннее утро, она застала сотника Чарыша уже на ногахъ, ибо со времени несчастнаго происшествія, поврежденнаго его рассудокъ, день и ночь потеряли для него свое значеніе. Онъ иногда въ полночь ходилъ по двору въ сопровожденіи Сомона ключника и искалъ по всѣмъ угламъ Михайла, иногда днемъ садился за свои дѣтиски и велѣлъ зажигать свѣчи, говоря, что ему темно, и только тогда приходилъ немного къ памяти, когда ключнику Сомону удавалось привлечь его вниманіе какою-нибудь историческою вѣстью, напѣваемой уныло подъ звонъ бандуры. Но состояніе души стараго сотника было еще мучительнѣе въ подобныхъ мнутахъ, ибо онъ чувствовалъ тогда вполне свое несчастіе.

Когда Катерина вошла въ извѣстную читателю *гетманскую* свѣтлицу, которая, стараніями Сомона ключника, опять приняла почти вполне свой прежній видъ, сот-

никъ Чарнышъ стоялъ передъ портретомъ Богдана Хмельницкаго и, наклоня выпъзъ голову, говорилъ что-то самъ съ собою. У ногъ его, растапувшись на голомъ полу, спалъ Семень ключникъ. Катерина застала только на окончаніе Чарнышева разсужденія.

—Что жъ? говорилъ онъ:—Я отецъ, а на то отецъ. Слово мое есть слово кары Божіей.... Во всемъ роду Чарнышей никто не сдѣлалъ такого страшнаго, какъ онъ, грѣха. Что ты на это скажешь мнѣ, старый Хмельницкій, гетманъ запорожскій, батько козацкій? Что ты на это мнѣ скажешь?—А ты кто? сказалъ онъ, обращаясь къ другому портрету:—кто ты, что смѣешь смотрѣть такъ важно на сотника Чарныша? Гетманъ Дорошенко.—Не сверкай однакожъ такъ страшно очами! Что? развѣ я несправедливо его проклялъ? Прочь изъ моей свѣтлицы! Ты былъ сперва великимъ гетманомъ, сперва ты чортъ знаетъ какъ надрывался за Украинну, а потомъ кто терзалъ ее за то, что она тебя не послушалась? Не хмурься такъ! не смотри на меня такими льстивыми очами! Семень! вы-

веди его изъ свѣтлицы: онъ отпалъ у меня Михайла.

Ключникъ Семень тотчасъ поднялся и, бормоча свои всегдашнее *помани, Господи, царя Давида*, снялъ со стѣны портретъ и повесилъ въ другую комнату. Сотникъ Чарнышъ молча провожалъ его глазами и только теперь замѣтилъ Катерину, которая стояла у дверей, устроивъ на него удивленный взоръ. Въмѣсто обыкновеннаго пріѣтствія или вопроса, онъ встрѣтилъ ее стихомъ изъ Пѣсни Пѣсней, царя Соломона:

*—Кто сія восходила отъ пустыни,
ако стебло дыма, кадильце смргну и ливана?*

—Видно. я очень несчастна, отвѣчала бѣдная дѣвушка:—когда встрѣтившій другъ моего отца не узнаетъ своей Катерины?

—А, Катерины? сказалъ сотникъ Чарнышъ:—такъ это Катерина, это *turtur mea carissima*!

И обнялъ ее съ такимъ усердіемъ, какъ родную дочь.

Катерина, видя сотника Чарныша въ бреду, не знала, пужно ли ей открывать ему причину своего посѣщенія? Но когда онъ, лаская ее, воротился, казалось, къ разсудку, она пересказала ему наскоро всѣ свои бѣдствія, умолчавъ только о смерти Михайла.

Сотникъ Чарнышъ закипѣлъ гнѣвомъ, узнавши о заключеніи судьи въ тюрьму.

—Какъ! вскричалъ онъ:—Неужели жи- ды в Ляхи опять на Украинѣ? Такъ ты, батько Хмельницкій, воевалъ цѣлыхъ де- сять лѣтъ даромъ? Неужели проклятая Унія пришла къ намъ снова за Наливай- ками, Павлюками и Остринцами? Гейі, Семенъ! братъ мой родной! дай миѣ коня такого, чтобъ летѣлъ черезъ лѣса и горы! дай миѣ ту самую саблю, которою воевалъ предокъ мой Павло Чарнышъ подѣ Збара- жемъ! Я не потерплю, чтобъ жида держа- ли на откупѣ православныя церкви! Я не потерплю, чтобъ нечестивые ксензы ѣздя- ли изъ села въ село на священникахъ пра- вославныхъ! Я не потерплю, чтобъ крово-

ядные зѣбри Ляхи жарили насъ въ мѣд- ныхъ быкахъ и варили въ котлахъ дѣтей козацкихъ! Сѣдай, Семенъ, миѣ коня, быстрога, какъ вѣтеръ, и горячаго, какъ огонь...

Садилъ себя буланого, мѣлъ вороного,
Гейі, вырванъ вражнихъ Ляховъ, геть що до одбого!

И потомъ, увлекшись пѣснею, сотникъ Чарнышъ забылъ о Катеринѣ и въ какомъ- то бреду продолжалъ:

Ой якъ стѣси козакъ Нечай коня острогами,
За нимъ Ляховъ сорокъ тысячъ зъ голыми шаблями!

Повернувся козакъ Нечай вѣдъ брами до брами,
А поставивъ вражихъ Ляховъ у чотыри лави.

Ой якъ вѣзьме козакъ Нечай одѣ банты до банты,
И ставъ Ляховъ, вражихъ сыбѣвъ, якъ спомани пласты.

Повернувся козакъ Нечай на право плече,
А вже зъ Ляховъ, вражихъ сыбѣвъ, провъ рѣчками тече.

Повернувся козакъ Нечай на лѣвую руку,
Не виспочитъ Нечай вѣдъ изъ лицячого тѣпу!

.....
.....

—Милый мой дяюшка! сказала со слезами Катерина, схвативши его за руку:— тутъ не объ Ляхахъ дѣло идетъ.

—А о чемъ же? спросилъ Чарнышъ.

—Отецъ мой, полковой глуховской судья, взялъ Крыжановскимъ въ темницу, отецъ мой Животовскій, другъ сотника Чарныша.

—Другъ? сказалъ, отступая назадъ, сотникъ Чарнышъ:—Развѣ теперь есть на свѣтѣ друзья, когда дѣти покидаютъ родныхъ отцовъ?

—Дѣти отцовъ родныхъ покидаютъ, повторилъ вздохнувши ключникъ Семенъ, сидя какъ привидѣнiе въ темномъ углу, на книгѣ:—*О Господи! помни царя Давида!*

Несчастливая Катерина, видя, что и послѣдняя ея надежда разрушилась, представила судьбу своего отца волю Божіей, а сама думала только о спасеніи себя отъ Крыжановскаго. Оставя молча Чарныша и

его ключника и пробѣгая быстро улпы Воронѣжа, она съ безпокойствомъ оглядывалась во всѣ стороны, не бѣгутъ ли по слѣдамъ ея посланцы Крыжановскаго.

За Воронѣжемъ, по маковскоій дорогѣ, тотчасъ начинаются березовыя рощи, называемыя левадами. Чѣмъ дальше отъ Воронѣжа, эти веселыя и свѣтлыя рощи дѣлаются суровѣе, омрачаясь дубами и соснами, и наконецъ переходятъ въ непрерывную цѣпь лѣсовъ, простирающихся на далекое пространство и дѣлающихся въ пшыхъ мѣстахъ истинно дремучими борами. Туда, черезъ эти свѣтлыя левады, бѣжала Катерина.

—Если уже такова моя несчастная доля, думала она:—что ни отъ кого я не могу надѣяться ни помощи, ни защиты, то да будетъ надо мною воля Божія! Пойду въ эти непроходимыя лѣса; пусть лучше достанусь въ пищу волкамъ и медвѣдямъ, чѣмъ гуусному жиду Крыжановскому.

100
И въ этомъ мѣстѣ мы ее оставляемъ,
подъ защитою дикихъ лѣсовъ, тѣмъ бо-
лѣе, что намъ пора уже узнать, что сдѣ-
лалось съ весельчакомъ Щербиною и его
молчаливымъ спутникомъ.

ПРИМѢЧАНІЯ

и

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРИМЪЧАНІЯ И ПРИЛОЖЕНІЯ.

34. «По случаю путешествія Императрицы Елисаветы Петровны въ 1744 году въ Кіевъ чрезъ Глуховъ, Кролевецъ, Батуринъ, Нажинъ и Козелецъ, дорога на семь трактовъ отъ границъ великороссійскихъ была *разширена*, мосты отдѣланы прочною работою и поставлены раскрашенные версты».

(Ист. Мал. Россія, *Битт. Каменскаго*, т. III, стр. 210).

«Малороссійскій генералъ - губернаторъ графъ Румянцовъ-Задунайскій приказалъ въ 1778 году *разширить* все дороги въ Малороссіи на восемь сажень, усадить деревьями и подымать прочіе мосты и гати».

(Тамъ же, примѣчаніе 202.)

35. О словѣ *голитшицы* см. часть 1, примѣчаніе 8.

36. *Співка въ нѣсть* значить еще—особенное искусство въ какомъ-нибудь ремеслѣ или наукѣ, талантѣ; а *кручокъ у нѣсть* или *кармочка въ нѣсть* значить—знаніе колдовства.

37. Почтенный авторъ Исторіи Новороссійскаго Края г. Скальковскій, въ новомъ своемъ трудѣ, достойномъ благодарности всякаго Малороссійанина, *Исторіи Новой Сѣчи, или Послѣдняго Коша Запорожскаго*, сообщилъ публикѣ между многими интересными документами любопытныя отрывки изъ разсказовъ Запорожца Коржа*, положенныя на бумагу прѣосвященнымъ Гаврииломъ, архіепископомъ екатеринославскимъ; и какъ эти отрывки проливаютъ новый свѣтъ на ту эпоху, которой касается моя книга, то, думаю, не

* Они сперва были напечатаны въ *Ж. М. Н. П.* (1838 и 1839) и не весь вошелъ въ *Исторію Новой Сѣчи*. Такъ напримеръ не оказалось въ ней прекраснѣйшихъ подробностей объ устройствѣ куреней (см. здѣсь прим. 51.) Другіе изъ разсказовъ Коржа вошли въ *П. М. С.* съ замѣчательными и многочисленными перемѣнами, пропусками и вставками, которыя причина г. Поддубный, въ сожалѣніе, не объяснилъ, и потому имъ не знаемъ, который списокъ разсказовъ Коржа должно считать вѣрнѣйшимъ,—тотъ ли, который помѣщенъ въ *Ж. М. Н. П.*, или тотъ, который помѣщенъ въ другомъ видѣ въ *П. М. С.*

худо сдѣлаю, если помѣшу здѣсь и некоторые изъ нихъ.

О прозвищатъ. «Козаки запорожскіе, и особливо Сѣчовики, по вольности запорожскаго духа и веселости характера, имѣли такую привычку къ насмѣшкамъ, что отъ всякаго и малѣйшаго случая, поступка, похвалки или калѣцтва немедленно давали козаку прозвище, которое уже навсегда и оставалось при немъ. Кто отъ неосторожности спалить курѣнь или зимовникъ, того называютъ *Паливѣмъ*; кто готовитъ пищу или раскладываетъ огонь преимущественно надъ водою, тому даютъ имя *Паливоды*. Кто ходитъ согнувшись отъ природы или привычки, тотъ *Горбачъ*; а если кто тощъ, блѣденъ и высокъ, тотъ *Глида*. Если кто, противъ обычая запорожскаго, не любитъ тетеря или мамалыги, главнѣйшихъ яствъ козачества, и варитъ себя отъ роскоши кашу, того зовутъ *Кашкою* или *Кашоедромъ*. Козака очень малаго росту для смѣху называли *Махлина*, а большаго росту *Малютою*. Если кто, несмотря на проворство, приличное бравому козаку, скользя и падалъ, тотъ назывался *Слизкій*; неуклюжихъ звали *Черепашою*, шалуновъ *Святими*, глупыхъ *Добрая-воля*, несившихъ бороду *Ка-*

«сидими, т. е. Великороссянами. Отъ такихъ
 «случаевъ и мой родной отецъ (это говорить
 «запорожець Коржъ), котораго настоящая фа-
 «милія была Жаданъ, прозванъ былъ Тара-
 «номъ, то есть круглымъ шестомъ, которыми
 «казаки били конопляное масло. Наконецъ
 «скажу о томъ, какъ я получилъ названіе
 «Коржъ. Съ молодыхъ лѣтъ я былъ очень и
 «рзавъ и проворенъ. Однажды идучи изъ
 «Шовихъ Койдикъ въ Свѣчь и проезжая мимо
 «высокой могилы, которую звали Чертомлы-
 «комъ (есть также и рѣчка Чертомлыкъ, мы
 «избегали на нее и, побѣгая нѣсколько ми-
 «нутъ, стали спускаться. Товарищи пошли
 «по утоптанной тропинкѣ, а я вздумалъ идти
 «прямо, но такъ какъ курганъ былъ очень
 «крутъ, а трава сухая, то я оступился, упалъ
 «и покатился внизъ, какъ кубарь или коржъ.
 «Коржемъ, коржемъ звалися! закричали ко-
 «заки, и съ того дня все звали меня Ники-
 «та, по прозванію Коржъ. Мой крестный
 «отецъ, узнавъ объ этомъ, сказалъ мнѣ.—
 «Нехай буде и Коржъ, бо и мене прозвали
 «Качдлюю за одну качдлю, зрѣбленную мною
 «въ Свѣчи. Що будешъ робити, коли тутъ
 «така поведенія? Терпи, хлопче, козакомъ
 «будешъ, а изъ козака попадешъ и въ онда-
 «ны: съ посылку люди бувають».

(Н. П. С. или П. К. З., стр. 130.—132.)

Эти прозвища дѣлались семейными именами, и войско и писаря именовали тѣхъ, кому они даны были, только этими названіями. Даже по увольненіи изъ войсковаго званія, Запорожцы сохраняли имена, данныя имъ товариствомъ.

38. Эта пѣсня показываетъ, какое низшее мнѣніе Малороссяне о Запорожцахъ. Съ того времени, какъ Малороссія раздѣлена была между Россією и Польшею по Андрусовскому договору, Запорожцы составляли отдельное тѣло, неподвластное ни Польшѣ, ни Россіи, и хотя Свѣчь и зимовники Запорожскіе попилились безпрестанно выходцами съ обѣихъ сторонъ Днѣпра, однако жъ они уже не принимали никакого участія въ судьбѣ своихъ метрополій; а воротясь изъ-подъ протекціи Турціи, куда они бѣжали послѣ полтавской битвы, Запорожцы еще больше стали чужды своимъ единоплеменникамъ, которые, хотя признавали ихъ достоинства воиственныя, однакожъ считали ихъ скопищемъ разбойниковъ безъ вѣры и законовъ. То правда, что Запорожцы со времени соединенія Малороссіи съ Россією, или даже можно сказать

со смерти Богдана Хмельницкаго, утратил тотъ высокій патриотизмъ, который спасъ Малороссію отъ Уни, и любовь къ свободѣ сосредоточилъ только въ кругу своего рыцарскаго братства; но обычаи предковъ и възра остались у нихъ ненарушими. Это лучше всего можно видѣть изъ разсказовъ Запорожца Коржа. «Между Запорожскими обычаями, говоритъ онъ, были и благочестивыя «обряды, относящіеся до христіанскаго закона и добродѣтелей; ибо между козаками много было набожныхъ, страннолюбивыхъ и любящихъ благоуміе церковное, а особенно изъ престарѣлыхъ, кои ходили въ церковь почти ежедневно, украшали церковныя иконы, справляли богатые хоругви и кресты, обогачали различныя утвари и церковныя св. сосуды драгоценными каменьями и великолѣпными мануфактурами, такъ что во всей Россіи едва ли гдѣ была ризница превосходящая сей запорожской ризницы, особенно на счетъ достатка церковнаго, т. е. денежной казны, по той причинѣ, что Запорожцы были холосты, имели много тысячъ денегъ и многочисленныя скотоводства по зимовникамъ. На случай смерти козакъ все таковое нищество отписываютъ, бывало, на церковь съвѣую и на

«монастырь, который былъ въ той же Сечи, надъ самою рѣчкою Подпольною.

«Въ монастырь этомъ всегда былъ настоятель и нѣсколько монаховъ, которые цѣлый годъ ежедневно отправляли всѣ положенныя церковныя службы. Кроме того настоятель въ Сечи постригалъ изъ Запорожцевъ въ монахи и опредѣлялъ, по произволу кошоваго и старшины, священниковъ въ «церкви запорожскихъ паланокъ» и сель. «Это легко было сдѣлать въ Запорожьи, ибо тутъ всегда имѣлось много козаковъ не только изъ поповичей, проходившихъ въ своихъ мѣстахъ формальнымъ порядкомъ науки, но и изъ дѣтей панскаго поколѣнія, которые, равно какъ и первые, по преступленію или по молодечеству, оставали родину и скрывали въ Сечи свое имя и происхождение.

«Монастырь назывался еще и *городкомъ*, т. е. укрѣпленіемъ, ибо противъ набѣговъ «неприятельскихъ былъ укрѣпленъ высокимъ

• *Паланка* у Запорожцевъ значила и округъ, и округной городъ, и округной судъ, или управленіе. Слово турецкое, означающее небольшой городокъ, средины между городомъ и деревнею, а иногда также и небольшую крепость. Употребляется въ томъ же смыслѣ и у Сербовъ, но у нихъ замѣкъ чаще называется — *дѣла* (башня).

«валомъ и вооруженъ пушками, да сверхъ
«того со всѣхъ сторонъ былъ окруженъ рѣч-
«кою Подпольною. Въ городкѣ жилъ кошо-
«вый и многіе запорожскіе паны. Съ одной
«только стороны былъ устроенъ въездъ чрезъ
«огромную башню, гдѣ стояло много коза-
«ковъ. Церкви монастырскія и съезжая * бы-
«ли деревянныя безъ оградъ. При послѣдней
«находилась большая и высокая колокольня
«съ четырьмя окнами, въ которыхъ стояли
«пушки, какъ для защиты противъ враговъ,
«такъ и для стрѣльбы въ большія церковныя
«торжества, особливо въ день Пасхи, Бого-
«явленія, храмовый и другіе праздники.

«Во время водоосвященія (в гезварѣ) коза-
«ки со всѣхъ съезовыхъ куреней и ближай-
«шихъ паланокъ и зимовниковъ, конные и
«пѣшіе, во всемъ вооруженіи, въ лучшихъ
«своихъ платьяхъ, покуренно собирались во-
«кругъ церкви, со своими знаменами, на
«лошадяхъ, живо (арко) и богато украшен-
«ныхъ. Артиллерія козацкая была тутъ же.
«Когда соберутся къ церкви, то такое вели-

* Съезжая Покровская церковь существуетъ еще и нынѣ
въ селѣ Покровскомъ, въ Екатеринославской губерніи
и уездѣ, близъ мѣстечка Николаевъ.

«кое множество народа бываетъ, что зани-
«маетъ не только все пространство около
«церкви, но и всю городскую обширную пло-
«щадь. И стоитъ все войско, какъ конница,
«такъ и пѣхота чинными и стройными ряда-
«ми, безъ шапокъ, дотолѣ, пока окончится
«литургія. По окончаніи оной, настоятель,
«какъ главное лице, выходитъ изъ церкви
«съ крестомъ; за нимъ всѣ монахи и свя-
«щенники попарно, съ иконами и свѣчами,
«шли къ Дивизу на *Иордань*. Все запорож-
«ское войско тихимъ шагомъ, покуренно, слѣ-
«довало за ними и располагалось на берегу
«рѣки. Когда настоятель погружалъ крестъ
«въ воду, то всѣ пушки и всѣ вооруженныя
«ружьями козаки палили трижды. А по окон-
«чаніи церемоніи еще палили долго, сколько
«кому угодно, и тогда возвращались во свои».

(Н. Н. С. или П. К. З., стр. 81—84.)

«Нельзя не упомянуть здѣсь нѣсколько
словъ (говорить далѣе г. Скальковский) о
трьехъ страсти, которую Запорожцы нѣсли къ
церковному пѣнію. Она составляла у нихъ
главное наслажденіе, ибо видны въ описа-
ніи судебныхъ обычаевъ Запорожья, что ко-
гда (въ 1771) кошовый, находясь въ Кодакѣ,
былъ приглашенъ въ гости къ священнику,
то однимъ изъ лучшихъ угощеній считалось

то, что онъ и *пѣвчимъ* былъ *позабавленъ*. Въ Сѣчи при церкви св. Покрова было даже особое училище для церковныхъ пѣвчихъ, управляемое начальникомъ кошоваго духовенства. Въ немъ, по сказанію очевидцевъ, считалось до 30 взрослыхъ пѣвчихъ изъ казаковъ и болѣе 50 школяровъ, нившихъ свое особое куренное управленіе и особаго отѣмана. Туда поступали дѣти малороссійскихъ казаковъ, нившіе родныхъ въ Сѣчи, или мальчики, захваченные, по обычаю, Запорожцами въ назадахъ на Польшу, Молдавію или даже Россію. Они нжили исключительное право *калдосати*, поздравлять хлѣбомъ на новый годъ и Свѣтлое воскресенье, звонить въ колокола по умершихъ или убитыхъ на сраженіи, продавать ладонъ и пр. и за то получать довольно большую плату. Но такъ какъ они воспитывались на военную ногу и даже получали оружіе, свинець и порохъ, то и могли дѣлаться настоящимъ *товариствомъ*.

(Тамъ же, стр. 84—85.)

39. Въ 1775 году, апр. 30, кошовой отѣманъ Калишевскій писалъ въ Кіевъ къ архимандриту Кіевонечерской Лавры Зосиму: «Мы нивемъ желаніе, дабы въ свѣтовой Покрова

«Богоматери церкви были золотыя священническія сосуды таковыя, какія самой ищущей работы есть въ Кіевонечерской Лаврѣ, и для того оныя по сему манеру сдѣлать возннзтривались весьма; почему чрезъ господъ старшинъ войска Запорожскаго, тахъ которые нынѣ за жалованьемъ въ столицу отправаляются на Кіевъ, и золото пришеется».

(Тамъ же, стр. 82.)

40. О свѣтовомъ монастырѣ и церкви см. подробности въ примѣчаніи 38.

41. Паны и нивецкіе императоры посылали Запорожцамъ знамена, оружіе и подарки, подъ предлогомъ «награды за защиту Христидства отъ невѣрныхъ», а чаще для возмущенія казаковъ противъ Польшы или Россіи.

42. *Кульши* значить—супъ съ крупами. Такой супъ называется иногда и кашею (особенно у косарей и чумаковъ;) но густая каша и каша *розмазнѣ* никогда не называются *кульшемъ*. Также и супъ на молокѣ не ниветь права титуловаться *снмъ дрецннмъ нивнемъ*.

43. «Хотя на широкихъ и кустыхъ степяхъ не ималось ни единой стежки, ни «следа, какъ на морь, однако поманутыя «ватаги (Самуя и Палва), добре знаючи проходы, якобы по извѣстныхъ дорогахъ, зъ «великимъ опасеніемъ, дабы не было гдѣ отъ «Татаръ изслѣдованія, задили; не нитя же «себя чрезъ одинъ и другой мѣсяцъ огня, «единожды въ сутки весьма скудной пищи «столокна и сухарей толченыхъ вкушали и, «конямъ ржати не допуская, будто дикіи звѣри «по тернямъ и камышамъ крылись и съ «великимъ обереженіемъ пути своя разноразъ- «вѣжая тернами и пакми сходилися. Познавали же на тѣхъ степяхъ дикіихъ путь свой «въ день по солнцу и крижахъ высокихъ «земныхъ и по могилахъ, ночью же по звѣздахъ и вѣтрахъ и рѣчкахъ. И тако Татаръ «высмотрѣвши, мечаянно нападали и малыиъ «людомъ великія ихъ куды разбивали».

(Изъ малороссійской лѣтописи.)

44. Земля, занимаемая теперь Харьковскою губерніею, были въ половинѣ XVII вѣка почти необитаемы. Кое-гдѣ только посреди непроходимыхъ лѣсовъ и болотъ стояли городища татарскія, а по берегамъ рѣ-

чекъ—пограничныя крѣпости московскія. Первое переселеніе Украинцевъ въ эти земли было при Михаилѣ Федоровичѣ въ числѣ восьми тысячъ. Въ 1650—1651 году совершилось второе переселеніе Украинцевъ. Они заняли слободами земли отъ вершины рѣки Суры по рѣкамъ—Вырь, Крыгъ, Локиъ, Пелу, Ворсклѣ, Мерлѣ, Удахъ, Лопаня, Харькову, Межѣ, Коломаку, Доицу, Осколу и пр. Въ послѣдующіе годы число ихъ умножилось, и въ 1660 году они образовали изъ себя три полка:—Сумскій, Ахтырскій и Харьковскій. Область Сумскаго полка занимала земля, принадлежащая нынѣ къ Сумскому и Лобединскому уездамъ Харьковской губерніи, кромѣ того—часть Ромненскаго уезда Полтавской и Суджаискаго Курской губерніи. Рѣка Пселъ была границею его отъ области Ахтырскаго полка, простиравшагося до рѣки Межи. За этою рѣкою начинался полкъ Харьковскій, занимавшій Харьковскій, Валковскій и Изюмскій уезды нынѣшней Харьковской губерніи.

45. Старая или Украинская Лѣнія начата въ 1731 году. Она состояла изъ 18 крѣпостей, связанныхъ 140 редутами, и тянулась отъ впаденія въ Днѣпръ рѣки Орелъ до крѣ-

нести и города Изюма, на пространства 385 верстъ.

46. Разумется тотъ днѣпровскій Лугъ (то есть лѣсъ), который Запорожцы называли своимъ батькомъ. *Спѣчь—мати, а Великій Лугъ—батько.*

47. Слова *отамане, товариство* значили у Запорожцевъ, что козакъ, призваншій въ зимовникъ, обращаетъ рѣчь къ отаману и товариству, составляющему тотъ зимовникъ. Запорожець Щербина такъ неуклонно следовалъ всѣмъ обычаямъ своего рыцарскаго ордена, что не извинилъ его техники при привѣтѣ съ паномъ Бардакомъ, хотя тутъ и не было никакого товариства, ибо слугъ и на Запорожьѣ товариствомъ не считали.

48. Пнему, можетъ-быть, покажется странно, какъ простой козакъ Середа, неотличившійся даже богатствомъ наряда, могъ быть посаженъ у пана Бардана за одинъ столъ съ Михайломъ Чарнышѣнкомъ, безъ освадомленія, что онъ за человекъ. А потому считало не лишнимъ напомнить старинное козацкое правило: *Кто только войдетъ съ саблею при боку и отдастъ честь ховляку, имѣеть право*

сидитъся съ нимъ за столъ. Да иначе и быть не могло, ибо носить саблю имѣли право только козаки, а всѣ козаки считались шляхтичами.

(См. Лѣт. арх. Коиискаго.)

49. И архієпископъ Коиискій въ своей Исторіи Руссовъ, говоря о кошовомъ запорожскомъ Сѣркѣ, пишетъ: «Впрочемъ онъ былъ и *Запорожець*, сіе есть родъ шута или юрода».

50. Взято изъ письма войсковаго Запорожскаго писаря Дмитрія Романовскаго, писаннаго въ Кошъ въ 1755 году. (См. *Ист. Нов. Спѣчи или Послѣдн. Коша Запорожскаго*, А. Скальковскаго, стр. 233).

51. «Курени съчевые (говоритъ Запорожець Коржъ) не походили на обыкновенные «пастушьи шалаши, но дѣлались изъ рубленнаго и рзаннаго лѣсу, потому что Великій Лугъ имъ изобиловалъ. Курени были такъ обширны, что больше 600 козаковъ могло вмѣщаться въ каждомъ. Они строились безъ всякихъ перегородокъ и чулановъ и имѣли видъ залы. Вокругъ, подлѣ стѣнъ, до самихъ дверей стояли столы, а

«вокруг столовъ узкія скамьи. Первое мѣсто было подъ иконами, которыхъ въ Сѣчи было много, и очель дорогихъ. Передъ ними стояли богатые паникадила и напѣшпавались лампы, которыя въ большіе праздники зажигались. Печи для приготовления хлѣба были устроены въ особомъ отдѣленіи, гдѣ помѣщались и кухарь, а въ куренъ бывали только грубы, большею частію изразцовыя. Когда наступало время обѣда, кухарь ставили кушанье въ ваганахъ, и пр. .... Вокругъ вагановъ ставили въ большихъ деревянныхъ конвахъ горѣлку, медъ, пиво и брагу, а на конвахъ вѣшали деревянные же коряки, которые поkozакки назывались михайлики, и исправляли должность рюмокъ. Когда всѣ козаки соберутся въ курень, тогда отаманъ, помолившись, садится подъ лѣбраними, а всѣ козаки безъ различія вo-кругъ столовъ. Послѣ обѣда козаки помолившись кланялись отаману, потомъ другъ другу и наконецъ кухарю, приговаривая: *«Сла. ибы, братчику, що назоведетъ козаковъ.»* Наконецъ отаманъ и всѣ козаки кланяются по козѣ въ карнавку и расходились по своимъ угламъ. Изъ этой карнавочной сумы поварь покупалъ на базарѣ нужные принадлежности для стола. Въ Сѣчи транезы приго-

«тождались три раза въ день, всегда одинаково; заготавливали ихъ не въ горшкахъ, но въ мѣдныхъ казанахъ, на кабанцъ (на очагъ), а не въ печатъ».

(Ж. М. Н. П. 1839, № 2.)

52. *Чеберѣчка*—старинный малороссійскій танецъ, въ которомъ, между прочимъ, каждый изъ танцующихъ поочередно, заложивъ назадъ руки, выпиваетъ серебряную чарку, поднимая ее съ полу губами, и, осушивъ до дна, перекидываетъ черезъ себя движениемъ головы, при дружномъ напѣвѣ и рукоплесканіи танцующаго вокругъ него кружка. Иногда, когда уже слишкомъ развеселится, раскладываютъ посреди комнаты огонь и скачутъ черезъ него поочередно во время круговаго танца. Я едва помню нѣсколько стиховъ изъ пѣсень, какія поютъ при этомъ случаѣ. Если не ошибаюсь, вотъ начало одной изъ нихъ:

Чеберѣчки!
Коло чеберачки,
Принадлежъ рѣчки.
Абб ѣи вышеть,
Абб ѣи вышеть,—
Чеберѣчки!

53. Хотя собственно Коллегія Малорос-

сійская при гетманъ Разумовскомъ, въ 1755 году, была закрыта, но по привычкѣ обыкновенно называли Коллегією ея зданіе, въ которомъ помѣщались разные департаменты народного правленія.

54. Пушки въ Украинѣ были какъ-бы знакомъ баронскаго достоинства у пановъ украинскихъ. Въ первый время заселенія пустыхъ украинскихъ степей жители рождались около владѣльцевъ, низшихъ пушки, и поддавались имъ на разнаго рода условіяхъ, подобно горнымъ шотландцамъ, которые искали протекціи у сильнѣйшихъ шефовъ клановъ, и за то обязаны были платить имъ ежегодно известную сумму денегъ и исполнять изъкоторыя повинности, а шефъ защищалъ ихъ отъ ихъ враговъ и разбойниковъ. И какъ шефы шотландскихъ клановъ, такъ точно и наши *осадчїе* (т. е. осадившіе или населившіе людьми слободу) поступали иногда со своими подданными, какъ полные деспоты.

55. Если кого-нибудь выпроводятъ въ дорогу, то собравшіеся по этому случаю гости обыкновенно, по выздѣ путешественника, преусердно заводятъ попойку подъ титуломъ

глядить дорогу увѣвшему. Этотъ же обычай употребляется и во время косовицы. Выпровождая косарей въ поле, хозяинъ собираетъ своихъ съюдокъ и, подъ мапъиъ веселыхъ и грустныхъ (это въ Малороссіи неразлучно) пѣсень, принимается съ ними *глядить* косы косарямъ.

56. Кто не выпьетъ чарки до дна съ разу, тому хозяинъ имѣетъ полное право долить снова. Для этого на *парочитыхъ* пирахъ у пановъ нашихъ сяди столы слуги съ бутылками въ рукахъ, и какъ только который гость не осушитъ до дна рюмку, они тотчасъ доливали. Если гость во избежаніе этой опасности будетъ держать недопитую рюмку подъ столомъ, и тамъ не минуетъ его та же участь, ибо для этого подъ столомъ сидитъ мальчикъ съ бутылкою, который тотчасъ долить просунутую къ нему рюмку.

57. Бюшингъ говоритъ, что Разумовскій по увольненіи отъ гетманства получалъ, вмѣсто обещанныхъ ста, только 50,000 рублей (серебряныхъ), что не составляло и четверти всѣхъ доходовъ, какіе онъ потерялъ съ титуломъ гетмана.

(Büsching, *Geogr.* t. II, p. 236.)

58. Въ указѣ Императрицы Елисаветы, данномъ сенату 19 октября 1750 года, сказано: «повелѣли Мы Свѣтовому Запорожскому Войску съ ихъ Атаманомъ и Кошевыми, также съ ихъ принадлежностями, быть въ вѣдомствѣ у Нашего Малороссійскаго Гетмана, какъ то и съ прежнія времена, до 1708 года, было». Но чтобъ узнать, какъ было въ прежнія времена, не читайте оффиціальныя бумага, написанныя по установленной формѣ: изъ нихъ вы ничего не узнаете. Берите источники болѣе частныя и личныя; тамъ явится вамъ истина безъ политическаго покрова. Вотъ напримеръ, страница изъ Лѣтописи архіепископа Конискаго: «Однажды писалъ къ нему (кошовому гетману Свѣрку) гетманъ Сануйловичъ, выговаривая, для чего на запорожскихъ степяхъ кочуютъ свободно некоторые аулы татарскіе. Онъ (Свѣркѣ), ему на сіе отвѣчая, что то дѣлается по снисхожденію войска, что причинъ недорода у Татаръ травъ, и что въ такомъ случаѣ и они иногда отъ нихъ равномѣрнымъ снисхожденіемъ пользуются, заключилъ наконецъ тѣмъ: Когда бы и чортъ, пане гетмане, помогалъ людямъ съ крайней ихъ нужды, то брезговати тѣмъ не годились, бо, кажуть люди, нужда и за-

«когъ зпѣлае. А когда мы, живя съ Татарами по соседски, помогаемъ одинъ другому, то сіе умному шмало не удивительно; а то намъ только дивно, що ты, пане гетмане, багато коло насъ хирхируєшь, мовъ тайй покойный батюшка на хвѣтурѣхъ зъ паракѣями у Зѣшкѣвѣ, чого и вамъ упріиме (усердно) жслаемъ». Вотъ какъ было въ прежнія времена, до 1708 года. А загляните въ оффиціальныя бумага—совсѣмъ другія отношенія. Съ этой точки зрѣнія должно смотрѣть на подчиненность Запорожской Сѣчи гетману во все времена. Запорожцы питали наслѣдственное уваженіе къ титулу гетмана, отдавали ему должный почетъ, но слушались его только по охотѣ. И г. Скальковскій въ своей *Истории Новой Сѣчи, или Послѣдняго Кѣша Запорожскаго*, говоритъ: «Съ 1750 года титулъ гетмана обомъ береговъ Днѣпра и войскъ Запорожскихъ сдѣлался болѣе дѣйствительнымъ, но только номинально, ибо хотя все распоряженія правительства приходили (въ Сѣчѣ) чрезъ универсали Разумовскаго, но Запорожцы мало ихъ слушали». Потому-то историкъ, руководствующійся преимущественно оффиціальными бумагами и мало обращающій вниманіе на другія источники, можетъ представить больше ходъ дѣлъ,

чѣмъ дѣйствительную исторію народа, какъ это и сдѣлалъ Бантышъ-Каменскій въ своей *Исторіи Малой Россіи*.

50. См. Указъ 1763 года декабря 10 дня.

60. Полкъ принимается здѣсь въ значеніи округа, *повѣта*.

61. Воображеніе малороссійскихъ простолюдиновъ олицетворяетъ не только разные болѣзни, но и праздники и дни, въ которые почитаютъ за грѣхъ работать. Такъ, напиримъ, рассказываютъ, что оспа, лихорадка и проч. ходятъ по хатамъ въ видѣ женщинъ. Въ предохраненіе дѣтей отъ оспы иногда оставляютъ на столѣ стаканчикъ меду, въ увѣренности, что когда оспа зайдетъ въ ихъ хату, то покушаетъ медку и оставитъ дѣтей въ покоѣ. Такимъ образомъ является, по словамъ ихъ, Недѣля (воскресенье) или Пятница въ видѣ дѣвы красоты чудесной и говоритъ бабамъ, если застанетъ ихъ прядущими или полюющими, что онѣ прядутъ не ленъ и полюютъ не траву, а ея волосы; а молоташки или рубашки въ воскресенье мужикамъ показываютъ свое бѣлое тѣло, покрытое синими полосами и ранами, и гово-

рять, что они молотать и рубить ее тѣло, и тому подобно.

62. Сотникъ Чарнышъ имѣлъ сильныя причины говорить такъ горько о Полякахъ. Чтобы согласиться съ нимъ, стѣбитъ только прочесть нѣсколько страницъ изъ Лѣтописи архіепископа Кошицкаго. Напримъ: «По истребленіи гетмана Наливайка такимъ несчастливымъ варварствомъ (онъ былъ замученъ въ мѣдномъ быкѣ, разжигаемомъ медленными огнемъ), вышлемъ отъ сейму, или отъ вельможъ, имъ управлявшихъ, такое же варварскій приговоръ и на весь народъ Русскій (т. е. Малороссійскій). Въ немъ онъ объявленъ отступнымъ, вѣроломнымъ и бунтливымъ и осужденъ въ рабство, преслѣдованіе и всемирное гоненіе. Слѣдствіемъ сего перемовскаго приговора было отлученіе навсегда депутатовъ русскихъ отъ сейму національнаго и всего рыцарства (т. е. козаковъ) отъ выборовъ и должностей правительственныхыхъ и судебныхъ, отборъ староствъ и деревень у урядниковъ русскихъ и самихъ ихъ уничтоженіе. Рыцарство русское названо *шлѣпани*, а народъ, отвергавшій Унію, *схизматиками*. Во всѣ правительственныя и судебныя уряды малороссійскіе посланы Поляки съ

«многочисленными штатами, города заняты польскими гарнизонами, а другія селенія ихъ же войсками. Имъ дана власть все то «дѣлать народу Русскому, что сами хотятъ и «придумаютъ. А они исполняли наказъ сей «съ лихою, и что только взмыслить можетъ «своевольное, надменное и пьяное челове- «ство, дѣлали то надъ несчастнымъ народомъ «Русскимъ безъ угрызенія совѣсти. Граби- «тельство, насилуваніе женщинъ и самихъ дѣ- «тей, побой, мучительства и убійства пре- «взошли изру самихъ непросвященныхъ вар- «варовъ. Они, почитая и называя народъ не- «вольниками или ясыромъ польскимъ, все его «имѣніе почитали своимъ. Собиравшихся же «вмѣстѣ нѣсколько человекъ для обыкновен- «ныхъ хозяйскихъ работъ или праздни- «ковъ, тотчасъ съ побоями разгоняли и о разгово- «рахъ ихъ пытками истязывали, запрещая «навсегда собираться и разговаривать вмѣстѣ. «Церкви русскія силою и гвалтомъ обра- «щали на Укію. Духовенство римское, разъѣ- «жавшее съ триумфомъ по Малороссіи для «надзора и поущенія къ униатству, во- «звизно было отъ церкви до церкви людьми, «запряженными въ ихъ длинныя повозки по «двѣнадцати человекъ и болѣе въ цугъ. На «прислуги сему духовенству избираемы бы-

«ли Поляками самыми красивѣйшія изъ дѣ- «вицъ русскихъ. Церкви несогласовавшихся «на Укію прихожанъ отдали жидамъ въ «аренду, и положена въ нихъ за всякую от- «праву *рата* отъ одного до пяти талеровъ, а «за крещеніе младенцевъ и похоронъ мер- «твыхъ отъ одного до четырехъ тынѣвъ (тынѣвъ равнялся въ Польшѣ одному золотому и восьми грошамъ). Жиды, яко непримиримые враги христіанства, сіи вселенскіе по- «бродяги и притчи въ человечествѣ, съ вос- «хищеніемъ принялись за такъ надежное для «нихъ скверноприбыточество и тотчасъ ключи «церковные и веревки колокольные отобрали «къ себѣ въ хорчмы. При всякой требѣ хри- «стіанской повняетъ ктитору идти къ жиду «торговаться съ нимъ и, по важности отпра- «вы, платитъ за нее и выпроситъ ключи; а «жидъ, притомъ насмѣявшись довольно бого- «служенію христіанскому и перехуливши все «христіанами чтимое, называя его языческимъ «или по ихъ *гойскимъ*, приказывалъ ктитору «возвращать ему ключи съ клятвою, что ни- «чего въ запасъ не отправлено».

Когда гетманъ Остряница разбилъ Поля- «ковъ на голову, при рѣкѣ Старницѣ, корон- «ный гетманъ Лицкоронскій съ остаткомъ «своего войска спасся бѣгствомъ и заперся въ

мѣстечкѣ Полонномъ, ожидая помощи изъ Польши. Но когда гетманъ Остриица приблизился къ Полонному и готовъ былъ взять его приступомъ, гетманъ Ланцкоронскій «выслалъ противъ козаковъ навстрѣчу церковную процессію съ крестами, хоругвями и «духовенствомъ русскимъ, кои, предлагая миръ отъ гетмана и отъ всея Польши, молили и заклинали Богомъ гетмана Остриицу и его войска, чтобы они преклонились на мирныя предложенія. По долгомъ совѣщаніи и учиненныхъ съ обѣихъ сторонъ «клятвахъ, собрались въ церковь высланные отъ обѣихъ гетмановъ чиновники и, написавши «тутъ трактатъ вѣчнаго мира и полной амнистіи, предающей забвенію все прошедшее, подписали его съ присягою на Евангеліи о вѣчномъ храненіи написанныхъ артикуловъ и всѣхъ правъ и привилегій козацкихъ и общенародныхъ. За сѣмъ разошлись войска восвоили».

Гетманъ Остриица, распустивъ свои войска, отправился самъ съ генеральною старшиною и многими полковниками и войсковыми старшинами въ Каневскій монастырь для принесенія Богу благодарственнаго молебствія. А Поляки, въ противность недавней своей присяги, послали тайно въ Каневъ

отрядъ своего войска, который схватилъ гетмана съ его святою, всего тридцать-семь человекъ, и отвезъ окованныхъ въ Варшаву, гдѣ они преданы были самой лютой казни. «Казнь она (говорить архіепископъ Коняскій) еще была первая въ мірѣ въ своемъ «родѣ и неслыханная въ человечествѣ по «лютости своей и варварству, и потомство «едва ли повѣритъ сему событію, ибо никакому дикому и самому свирѣпому Японцу «не придетъ въ голову ея изобрѣтеніе, а «произведеніе въ дѣйство устрасило бы самыхъ звѣрей и чудовищъ». (Я пропускаю подробное описаніе этой ужасной картины и ограничусь только нѣсколькими окончательными фразами.) «Жены и дѣти страдальцевъ «оныхъ, увидя первоначальную казнь, наполнили воздухъ воплями своими и рыданіями, но скоро замолкли. Женамъ снѣтъ, по «невзвѣрному тогдашнему зѣрству, обрѣзавши груди, перерубили ихъ до одной, а «сосцами ихъ били мужей, въ живыхъ еще «бывшихъ, по лицамъ ихъ. Оставшихся на «матерямъ дѣтей, ползавшихъ и бродившихъ «около ихъ труповъ, пережгли всѣхъ въ виду «ихъ отцевъ на желѣзныхъ рѣшеткахъ, подъ «комъ подкладывались были уголья и раздуваны шапками и метелками.

«Главные члены человеческіе, отрубленные
 «у замученныхъ чиновниковъ малороссій-
 «скихъ, какъ-то головы, руки и ноги раз-
 «везены по всей Малороссіи и развѣшены на
 «сваяхъ по городамъ. Развѣзавшія притомъ
 «войска польскія, наполнившія всю Малорос-
 «сію, дѣлали все то надъ Малороссіянами,
 «что только хотѣли и придумать могли. Всякъ
 «родовъ безчестія, насилія, грабежи и ти-
 «ранства превосходятъ всякое помяте и опи-
 «саніе. Они между прочимъ нѣсколько разъ
 «повторяли произведенныя въ Варшавѣ лю-
 «тости надъ несчастными Малороссіянами и
 «нѣсколько разъ варили въ котлахъ и сожи-
 «гали на угольяхъ дѣтей ихъ въ виду родите-
 «лей, предавая самихъ отцовъ лютейшимъ
 «казнямъ», и пр., и пр.

Конецъ второй части.

О П Е Ч А Т К И.

Стран.	Стр.	Напечатано:	Должно было:
21	2	страниго	страннаго
118	20	его споконно	его было споконно
120	9	сперканидемъ	сперканициемъ
—	19	перилл	перилл
180	11	шсозамъ	шсозамъ
183	23	универсам	универсам

Acme
Bookbinding Co., Inc.
100 Cambridge St.
Charlestown, MA 02129

Digitized by Google